

Ю. ДАВЫДОВ

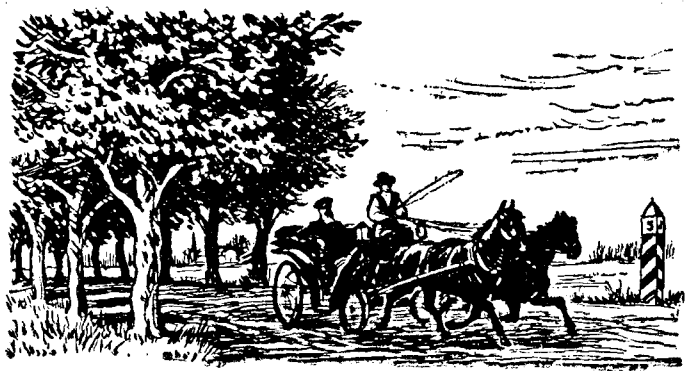
Фердинанд
ВРАНГЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

Фердинанд Врангель — знаменитый русский путешественник, был отличным мореходом, настойчивым исследователем — географом.

Врангелю довелось трижды обогнуть Земной шар. В особенности прославилась его экспедиция на северо-восток Сибири, давшая богатый научный материал. Во время походов он испытал многочисленные трудности, пережил немало приключений. Обо всем этом рассказывается в брошюре, при написании которой были использованы письма и дневники Ф. Врангеля, хранящиеся в Центральном государственном архиве Эстонской ССР (г. Тарту).

Красивая бричка, запряженная парой сытых вороных коней, катилась по ровной дороге, обсаженной липами и ясенями.

Недавно прошел дождь. Прямой и светлый майский дождь. Пыль прибило. Все вокруг — юная листва придорожных деревьев, поля, луга, обещавшие добрый травостой, лесочки — все было молодое, нарядное.

Весеннюю радость земли, чистых далей, высокого безоблачного неба с удовольствием ощущали и сытые вороные лошади, на лоснящихся крупах которых блестели дождевые капли, и кучер-эстонец в круглой шляпе, и привалившийся к спинке брички сухощавый белобородый старик в морском сюртуке и фуражке. Он не устал от долгой езды. Напротив, ему даже казалось, что с каждой верстой сбрасывается с плеч груз прожитого и пережитого. А груз этот был велик. За плечами старого моряка, словно пенистый след за кормой корабля дальнего плавания, осталась большая жизнь. Жизнь, полная опасностей, штормовых ночей в океанах, бешеных бурь над ледяными просторами и тропических гроз, раскалывающих небо.

Дома, в имени Руиль, что в двадцати пяти верстах от городка Раквере, у него хранится груда записок, писем, тетрадей. Что ж, думал он, покачиваясь в рессорной бричке и вдыхая острый запах влажного суглинка,

поживу в Дерпте у братца, а воротившись домой, закончу мемуары.

Он расстегнул сюртук и снял фуражку. Ветерок ласково тронул седые волосы на висках, на темени. И неожиданно, впервые за многие годы, почувствовал он в этом приветном прикосновении материнскую ладонь на мальчишеских своих вихрах, жестковатых и рыжих. И в плавном покачивании брички, под перебивчивый стук копыт, на дороге с шевелящейся тенью листвы и солнечными пятнами старый моряк заглянул в те глубины памяти сердца, где хранится самое сокровенное. И вот уже не майский ветерок, а ветерок воспоминаний повеял в его морщинистое лицо, чуть затуманил светлые, голубоватые глаза...

Древний Псков, реки Пскова и Великая... Рыбачья лодка. Рыжий мальчишка переправляется с приятелями на другой берег. Игры в индейцев. Он сочинял песни. Их пели во все горло. Охотничьи и боевые песни с постоянным припевом «туда, туда, в даль, с луком и стрелой».

«Туда, туда, в даль, с луком и стрелой», — прошептал старик, морща в улыбке губы. Не зря сочинил он такой припев. «В даль!» — было указано ему в книге судеб.

С мальчишества грезил он об этих даях, об островах в ожерелье прибоя, о горных цепях, встающих из голубых туманов, о долинах в сочной зелени тропиков. Они мерещились ему, когда он носил кадетскую куртку и зубрил уроки в классной комнате, за окнами которой шел дождик или порошил снежок хмурого питерского дня. Мечта о дальних и опасных походах жила в душе его и тогда, когда, закончив морской корпус и надев мичманский мундир, он служил на балтийском фрегате...

Да, он заедет в Дерпт, к брату, потом — во Псков, в страну детства, а вернувшись домой, напишет мемуары. Пора уж. Слава богу, пошел семьдесят четвертый.

Бричка катилась шибко. Кони встряхивали гривами, изредка отфыркивались. Старик задремывал. Картины прошлого всплывали перед ним, мешались друг с другом, исчезали и вновь наплывали, как шевелящиеся тени и солнечные пятна на ровной дороге эстонского края.

Это было больше чем за полвека до того, как красивая бричка, запряженная парой вороных, ехала по эстонской дороге.

Это было в осеннем Петербурге тысяча восемьсот шестнадцатого года.

Холодный дождь, ветер, срывающий шляпы, задирающий полы пальто и шинелей. Темная Нева тяжело ворочается, зло колотит о гранит набережных. От недостроенного Исаакиевского собора в одиночку и группами расходится истомленный рабочий люд. В окнах зажигаются огни.

В этот сумеречный зябкий час мимо памятника Петру Первому шел, кутаясь в плащ, молоденький низкорослый мичман. Мичман свернул в узенькую Галерную улицу и зашагал, поглядывая на номера домов. «Кажется, здесь», — сказал он самому себе, доставая из внутреннего кармана записочку с адресом, и добавил: «Ну, держись, Фердинанд Петрович!»

Дверь отворил матрос-денщик, и мичман вошел в небольшую прихожую.

— Василий Михайлович дома?

— Дома-с. Как прикажете доложить? — ответил матрос.

— Доложи, братец, что явился, мол, мичман Врангель.

Денщик ушел и вскоре вернулся.

— Прощу, ваше благородие, — сказал он, распахивая дверь в комнаты.

Как ни готовился Врангель к встрече с Василием Михайловичем Головниным, но сердце его екнуло: сейчас он войдет в кабинет знаменитого морехода. Сейчас решится его, Врангеля, судьба. «Быть или не быть?»

Головнин, высокий, плечистый, сутуловатый человек лет сорока, встретил мичмана, пожал руку, коротким, энергическим жестом указал на кресло. И спросил довольно сухо:

— Чем могу служить, милостивый государь?

Врангель, глотнув воздух, заговорил горячо, сбивчиво, волнуясь. Выкладывал все начистоту.

Он, мичман Врангель, прослышал, что Василий Михайлович собирается в кругосветное плавание. Мичман не может (не может и все тут) киснуть на своем фрегате. Он должен (должен и баста) отправиться с господином капитаном второго ранга. И вот он... Мичман осекся и посмотрел на Головнина.

Капитан сидел у стола, заваленного картами и бумагами. Его крупное, простое, суровое лицо, освещенное свечами, хмурилось. Толстая нижняя губа сердито выпятилась.

— Все это я знаю,— проговорил Головнин таким тоном, что сердце мичмана упало.— Мне об вас писали из Ревеля, и я отвечал, что беру в поход только знакомых офицеров, на опыт и познания которых могу положиться. Впрочем, погодите-ка... Да как вы в Петербурге очутились?

Врангель ответил негромко:

— Бежал.

— То есть? — Мохнатые черные брови Головнина приподнялись.— Как так — «бежал»?

— Фрегат наш,— совсем уже тихо продолжал Врангель,— назначили зимовать в Свеаборг. Я решил, что ежели не увижу вас, так все окончательно пропадет. Сказался больным, а сам на попутное суденышко с сельдями... Ну... и... вот, как видите, у вас, на Галерной...

Головнин молчал. Недовольно и хмуρο смотрел он на неказистого, низкорослого, рыжего мичмана. А на капитана второго ранга смотрели светло-голубые глаза, смотрели моляще, неотрывно.

— Возьмите хоть матросом.

Головнин встал, прошелся по кабинету, широко расставляя ноги.

В кабинете было тихо. Потрескивая, оплывали свечи. За стеной возился денщик, подкладывая дрова в печь и гремя кочережкой.

Головнин остановился, положил тяжелую руку на плечо мичмана, сказал неожиданно подобревшим голосом:

— Постараюсь переговорить в Адмиралтействе. Обещать не обещаю, но постараюсь.

Случались и потом радостные торжественные дни. Но такого не было, ибо в тот день началось исполнение

его заветных желаний. «Туда, туда, в даль, с луком и стрелою...»

День был августовский, исполненный мудрого спокойствия, гармоничной ясности. Бывает так только в погожий август, когда краски земли, моря и неба теплы и зрелы. И это мудрое спокойствие, гармоничная ясность как бы осязаемы, выпуклы, хорошо зримы.

Почти год минул с вечернего разговора в доме на Галерной улице. Головнин выхлопотал к себе, в Кронштадт, на шлюп «Камчатка» норовистого мичмана. И сумел даже как-то замять неприятный инцидент с самовольной отлучкой. В формулярном списке, где отмечается прохождение службы, в графе о наказаниях никаких нежелательных пометок не появилось.

В августовский день 1817 года Фердинанд Врангель вместе со всеми матросами и офицерами стоял на палубе шлюпа. Ему казалось, что на корабле нет бóльшего счастливца, чем он. И что бы там ни говорили и мичман Литке, и коллежский секретарь Федор Матюшкин, что бы они ни говорили о своем счастье и радости, они, разумеется, не испытывают и сотой доли того, что испытывает он, мичман Врангель.

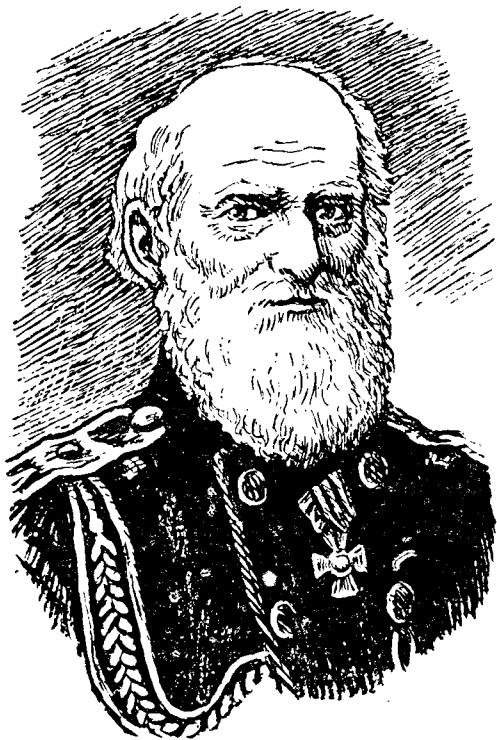
Весело свистела боцманская дудка. Весело шлепали босые ноги матросов, гуртом выбиравших якорь. Хлопали паруса, поскрипывали блоки и весело кричали чайки.

Через сутки, когда заштилело, «Камчатка» была уже на траверзе Ревеля. Приставив к глазам подзорную трубу, Врангель смотрел на высокий, вонзающийся в небо шпиль Олай-кирхи, на стены древней крепости, на черепичные крыши домов. Как хорошо! Прощай, фрегат, прощай, адмирал! А как адмирал гневался, как кричал, но все, славу богу, позади, все обошлось. Поскорее бы ветер, и... «в даль»!

Чу! Задул, тянет, усиливается. Вперед, «Камчатка»!

Кругосветное плавание началось. Установился знакомый Врангелю ритм корабельной жизни, тот однообразный распорядок будней, без которого не мыслим морской поход: смена вахт, судовые работы, отдых в кают-компании.

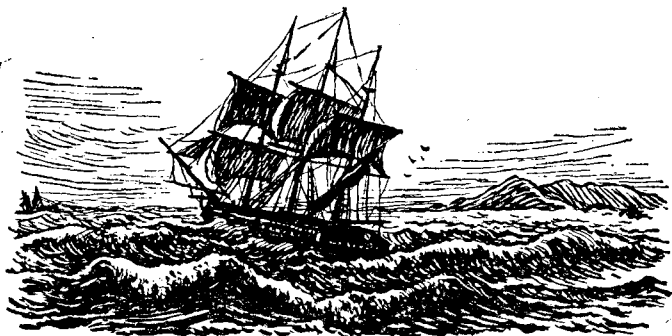
Улеглось возбуждение. Отправление в «кругосветку» уж не казалось такой неожиданной удачей. Порой даже чудилось, что все сделалось само собой, без усилий, без

Ф. П. Врангель

череды надежд и мрачных предположений. И по свойственной людям привычке считать совершившееся не столь важным и ожидать от будущего более значительного мичман мысленно подгонял «Камчатку». Конечно, любопытно было бы побывать в Копенгагене, любопытно увидеть Англию. Но Балтика, Северное море — в конце концов это еще не большое плавание. Иное дело, когда шлюп подхватит соленый вал Атлантики, открытого свободного океана.

Врангель присматривался к капитану, к товарищам. Головнин восхищал его. Вот уж, если ему, Фердинанду, доведется когда-либо командовать кораблем (грош цена тому молодцу в морском мундире, кто не думает об этом), он будет подстать Василию Михайловичу. Ему нравились и головнинская сдержанность, постоянная серьезность, и его манера отдавать приказания,

скупые и краткие, отдавать их с тем видом, который говорит, что вам, мол, лейтенант или мичман, толковать, вы сами отменный моряк и сделаете дело так, как положено. Нравилось Врангелю и отношение Головнина к морской службе. Василий Михайлович не терпел мертвенной обрядности. Ничего показного, ничего бьющего на эффект. Дисциплина, порядок, но без окриков, без нажима, без всего, что было свойственно многим другим капитанам. Те, другие, вольно или невольно подчиняясь аракчеевскому духу, стремились корабль превратить в казарму, матросов — в солдат.

«Прав Василий Михайлович, тысячу раз прав, — размышлял Фердинанд. — Наш русский матрос по воле начальников может, конечно, сделаться солдатом. Но тогда он перестанет быть матросом. Куда как чинно, с солдатской выправкой вбежит на марс, спустит брам-рею, зарядит пушку... Но только на рейде, на тихой воде. Куда как чинно! И будет из тех служителей не корабельный экипаж, а рота для парадного фрунтового зрелища. Нет, матрос испытывается не на рейде, не в штиль. Испытание ему выходит на продолжительных переходах, когда паруса рвет, рею ломает, судно летит молнией. Вот тут-то требуется не заученное шегольство, а знание морского дела, сметливость, сила в мышцах. А мерность движений, показное, все, чего добиваются сухопутные офицеры, противно нашему ремеслу».

Когда за кормой «Камчатки» осталась Англия — это было в сентябре, мичман Врангель смог, наконец, воскликнуть:

— Океан, здравствуй!

Теперь он совершенно счастлив. Плыть и плыть в безбрежности. Скоро и плавно. Вот как те, длинные, похожие на гигантских акул, тучи, что летят за шлюпом, догоняют его, проносятся над ним. И эти выгнутые паруса, и матросы, то озабоченные, с напряженными под полотняными рубахами мускулами, то вечерком, на баке, затыгивающие хором «Не одна во поле дороженька», и эти крупные валы с белыми гребнями, и дали, и солнце, и соленые брызги... Океан! Скольких отважных пронес ты на своих могучих покатых плечах и скольких отважных поглотили твои пучины. Плавать по морю необходимо, говорит старая латинская поговорка, сохранить жизнь не так уж необходимо. Вставайте, зори, горите, звезды! Здравствуй, океан! Вой, ветер, вой! Привет вам, косматые хриплые бури!

На пятьдесят восьмой день по выходе из Кронштадта «Камчатка» пересекла экватор.

Две недели спустя морякам открылась Южная Америка. Бразильский берег, Рио-де-Жанейро. На берегу гавани пестреют домики, мрачно глядят старые крепостные стены.

Итак, он был в Новом Свете. Все, что грезилося рыжему мальчику, переправлявшемуся с ватагой приятелей на другую сторону тихой Псковы, предстало наяву. Тропическая зелень, плотная и глянцевиная, кофейные плантации, опаленные зноем, и чернокожие рабы, и нищие метисы, и жестокие португальские колонисты.

И снова — океан. Лишь ветер доносит перезвон колоколов.

Оставив Бразилию, шлюп шел на юг, с каждой милей приближаясь к мысу Горн — крайней южной точке Южной Америки.

У мыса Горн и застал моряков «Камчатки» новый, 1818 год.

Сильные, ураганные ветры, пронесившиеся здесь, нередко губили суда, идущие из Атлантики в Тихий океан. Как и ожидали мореходы, у мыса Горн ревели, стонали, захлебывались бури, и альбатросы, как вестники ненастья и гибели, парили в мрачных тучах, распластав свои большие бело-черные крылья.

Но тверды шаги Головнина. Глубокие складки залегли на его лице. Только они и выдают его внутреннее на-

пряжение. И, подчиняясь магнетической воле капитана, все корабельщики хранят спокойствие, сдерживают трепет сердец.

Добрый конь долго дюжит! «Камчатка» пробилась сквозь бури, шлюп вынес истомленных людей в Великий, или Тихий.

Новые и новые зори встают в океане. Спокойные и чистые. И ветер попутный несет «Камчатку» вдоль берегов Южной Америки, теперь уже на север, на север...

Стоянка в перуанском порту Кальяо. Ноздри втягивают запахи нагретой солнцем земли, и глаза, уставшие от пустыни вод, радостно расширяются при виде деревьев, домов, людей.

Недолгая стоянка — Василий Михайлович торопится в Петропавловскую гавань. Там он должен сдать грузы, предназначенные для петропавловского и охотского портов. Но торопится он и потому, что хочет выиграть время для гидрографических работ в северной части Тихого океана. И еще одна задача стоит перед капитаном. Ему поручено обследовать дела торговой Российско-Американской компании, чьи поселения разбросаны по северо-западному берегу Северной Америки и близлежащим островам от Аляски до Калифорнии.

Зная по опыту других мореходов наивыгоднейшие для парусников курсы, капитан в феврале 1818 года покинул перуанский берег. Но как ни были выгодны эти курсы, шлюпу все же понадобилось два с половиной месяца, чтобы пересечь Тихий океан. Лишь в мае показался мрачный Безымянный мыс полуострова Камчатки. Восемь месяцев назад ушли моряки из России, восемь месяцев спустя они вновь увидели русскую землю.

В Авачинской губе — в глубине ее находился Петропавловск — еще носились льдины. Они едва не затерли шлюп. Приходилось держаться начеку, отталкиваться шестью от их стремительного бедоносного натиска. А при подходе к Петропавловску стало еще хуже: ледяное поле, крепкое, как рыцарская кираса, отделило моряков от заветного берега, от дымов Петропавловска, от почты, пришедшей из Петербурга, от свежих припасов, бани, заслуженного покоя.

Около двух недель пришлось потратить на то, чтобы рубить во льдах коридор. Шлюп двигался медленно. Наконец, встали, выгрузились. Новые заботы: вместо

груза, свезенного в петропавловские магазины, как тогда называли складские помещения, надо было заполнить трюм балластом (до десятка тысяч пудов), нужны были и дрова (сажен двадцать пять). Но балласт можно было добыть в семи верстах от гавани, а дрова — в пяти верстах. Головнин задумался: кого бы сподобить начальствовать? Энергичного, быстрого? Так хотелось поскорее снарядиться к плаванию. Подумал, мысленно перебрал всех офицеров и послал за Врангелем.

Капитан давно понял, что не ошибся в мичмане: по камест есть такие — «морским судам быть». Головнин ни с кем не сближался, никого не выделял. Для всех на корабле он всегда командир. Но Фердинанд заметил, что к нему Василий Михайлович втайне благосклонен. И мичман гордился, старался пуше. Все свободное время отдавал астрономическим и штурманским занятиям; деятельно участвовал в корабельных работах; съезжая на берег, аккуратно и в точности исполнял поручения капитана.

Мичман явился. Выслушав Головнина, ответил:

— Слушаюсь. Сегодня прикажете начинать?

Спустя несколько дней маленький рыжеголовый мичман доложил Василию Михайловичу, что и балласт и дрова доставлены.

«Хорошо», — сказал капитан, не выразив ни малейшего удивления, и в тот же вечер записал в своем дневнике: «Если бы нам привелось сии две необходимые потребности возить на гребных судах, то и в два месяца невозможно было бы изготовиться к походу; но мы для сего употребили, с позволения областного начальника, находившийся здесь охотский транспорт, послав на оном своих офицеров и матросов, и он в три раза привез все нужное нам количество балласта и дров. За сию поспешность обязан я деятельности и усердию мичмана барона Врангеля, которому поручил я начальство над транспортом».

Секстан, хронометры, компас, подзорная труба — прозаические предметы, знакомые каждому моряку. Но в них потаенная прелесть. Во всяком случае для него, для Фердинанда Врангеля. Его веснушчатые пальцы со светлыми волосками прикасаются к ним бережно, с нежной уверенностью.

Определение широты и долготы, пеленг, взятый на мыс или скалу. Ничего особенного? Быть может. Только не для того, кто стоит на палубе под дождем, в тумане, в ветровом посвисте. Только не для того, кто ловит солнечный луч, чтобы взять высоту, или ждет, когда туман («мрачность», по меткому слову моряков-парусников) разорвется, колыхаясь сдвинется, и можно будет брать пеленг...

После камчатской якорной стоянки шлюп пошел к островам Медному и Берингову, затем к Алеутской гряде, к островным группам Шумагинской и Евдокеевской (Семиди), потом к северо-западному берегу Америки.

Туманы и дожди, крепкие ветры, холод и сырость. Стой на палубе! Забудь о каютной теплыни. Работай! Головнин наблюдал за Врангелем, за Литке, за Матюшкиным, за штурманами. Его подчиненные действовали отлично — ловко, точно, без усталости. «Морским судам быть!» — про себя повторял Головнин полюбившийся ему девиз, поглядывая на огрубевшие, с насупленными бровями лица юношей.

Плававшая в северных широтах, глядя на острова с мшистыми валунами, на темную зелень елей, на высокие сосны, качающиеся вершинами над пеной холодного прибоя, молодые люди с удивлением замечали, что и это низкое туманное небо, и эти печальные сирые острова, и студёные, стального отлива волны были им как-то милее праздничного великолепия южных краев. Мечты о северных странствиях закрались в их души. И они испытали нечто похожее на разочарование, когда капитан, закончив расследование дел Российско-Американской компании (кстати, очень неутешительное для чиновников-казнокрадов), повел шлюп на юг, к Гавайским островам.

Вскоре иные впечатления захватили Врангеля, правда, лишь на время. Пряные запахи залитых солнцем Гавайев, нежная линия холмов и пальмовые рощи острова Гуама, рождественская ночь на Филиппинах, озаренных звездным сиянием...

В январе 1819 года, проведя год в тихоокеанском походе, шлюп пустился в путь к родным берегам. Еще много сотен миль предстояло пробежать кораблю. Еще много месяцев светло-голубые глаза Фердинанда Врангеля будут видеть горизонт неоглядных вод. Надо пере-

сечь Индийский океан, обогнуть мыс Доброй Надежды, подняться к северу Атлантикой. Но это уже обратный путь к родным берегам.

* *
*

Если натура у вас деятельная, если в вас играет молодая сила, то конец дальнего путешествия, равно морского или сухопутного, вызовет у вас противоречивое ощущение. Ваша жажда удовлетворена. И ваша жажда... возросла.

Путь завершен. Все позади. Карта уже не просто бумага, чертеж. За нею — яркие видения, живой облик мира. Названия морей и мысов, островов и заливов теперь не только слова, благозвучные и таинственные. За словами, в самом их звучании — краски и запахи, растения, люди...

Но завершен ли путь? Все ли позади? Отнюдь...

Противоречивое душевное состояние. Оно-то и владеет двадцатидвухлетним мичманом, вернувшимся в Кронштадт. Что делать? Что предпринять? По-прежнему слышится ему зов: «туда, туда, в даль...» Северные широты, чуть приоткрывшиеся с борта «Камчатки», низкое зловещее небо, стихии севера. Вот бы где испытать себя!

И теперь уже добровольно, без его, Фердинанда, просьб, приходит на выручку Василий Михайлович Головин.

Почетный член Адмиралтейства капитан Головин объявил мичману о намерении правительства снарядить две полярные экспедиции. Он дал Врангелю проект, и когда тот, прочитав его, уставился на Василия Михайловича восторженными глазами, серьезно спросил:

— А вы, Фердинанд Петрович, не желали бы начальствовать над одним отрядом?

Мичман, захлебнувшись словами, пробормотал, что более лестного предложения он, молодой офицер, и не чаял услышать.

Вскоре после этого разговора Врангель взял краткий отпуск и уехал в Эстонию.

В феврале он снова был в Петербурге. Василий Михайлович сказал Фердинанду, что сопутствовать ему вызвались два моряка с «Камчатки» — мичман

Матюшкин и штурман Козьмин — и что в отряде будут два матроса и доктор медицины натуралист Кибер.

— Вот, извольте видеть, какую я об вас аттестацию подал,— проговорил Головнин, протягивая Врангелю лист бумаги.

«Во все путешествие,— вспыхнув, читал Фердинанд,— беспрестанно занимался астрономическими наблюдениями, обучал гардемаринов иностранным языкам, по знанию коих всегда употреблялся в сношениях шлюпа с иностранцами в чужих землях, поведения отличного и в должности своей был усерден».

Фердинанд читал, а в голове его мелькнула лукавая мысль, что ведь недавно, в этом самом кабинете, этот же высокий плечистый, немного сутулый капитан хмуро и недовольно глядел на мичмана 19-го флотского экипажа, убежавшего из Ревеля. Головнин, верно, догадался, с притворной строгостью буркнул:

— Кто старое помянет...— И, не договорив, продолжал: — А вторую экспедицию, ту, что будет действовать у реки Яны, примет...

— Анжу, Петр Федорович Анжу,— нетерпеливо досказал Врангель.

— Анжу,— подтвердил Головнин.— А вы-то как знаете?

— Да он мой большой приятель,— улыбаясь отвечал Фердинанд.— Я сейчас и остановился у него. Приятели мы с Петром Федорычем еще с корпуса. Я рад за него...

— Ну и прекрасно. В понедельник утром явится оба ко мне, пойдем в Адмиралтейство и я представлю вас маркизу.

Представившись морскому министру маркизу де Траверсе и выслушав его невнятное бормотание (маркиз был болен и еле держался на ногах), приятели с головой погрузились в хлопоты по снаряжению экспедиции.

В самый разгар подготовки экспедиции Врангель был огорчен отъездом из Петербурга Василия Михайловича: Головнин получил отпуск и на третьей неделе поста уехал в родную рязанскую деревню. Подготавливать экспедицию поручили Гавриле Андреевичу Сарычеву. И хотя Сарычев, известный ученый моряк, знал Север лучше Головнина и мог, пожалуй, дать более ценные и обстоятельные советы, Фердинанд все же был огорчен отлучкой Василия Михайловича.

Однако унывать не приходилось, забот было много, в марте предполагалось отправление. Задача стояла трудная, сопряженная с тяжкими лишениями и нешуточными опасностями.

Отряду Врангеля надлежало произвести подробную и точную опись побережья Ледовитого океана от устья Колымы на восток до мыса Шелагского. Следовало ему разрешить и загадку «Земли Андреева», получившей свое название по имени путешественника Андреева, который «усмотрел в великой отдаленности помеченный им величайший остров».

Землю эту, как говорилось в официальном документе, Степан Андреев увидел к северо-востоку от Медвежьих островов. Однако последующие путешественники не подтверждали его открытие.

Некоторые моряки-географы полагали поиск «Земли Андреева» нестоящим делом. Куда важнее казалось им сохранить и силы и время отряда Врангеля, чтобы он как можно дальше продвинулся на восток по побережью Ледовитого океана. Почему же это их так интересовало?

Дело в том, что старинный подвиг казаков Семена Дежнева, обогнувших на утлых кочах северо-восточную оконечность Азии и тем самым доказавших раздельность Азии и Америки, этот изумительный подвиг казался сомнительным зарубежным географам. Стало быть, подвергалась сомнению и раздельность материков.

В девятнадцатом веке британское адмиралтейство возобновило энергичные поиски Северо-Западного прохода, пути из Атлантики в Тихий океан — вдоль северных берегов Канады, через Берингов пролив. Но ведь было сомнение в самом существовании пролива. Значит, было и сомнение в целесообразности поисков Северо-Западного прохода. Разрешить его могла лишь русская экспедиция: добравшись до северо-восточной оконечности Азии и определив протяженность и направление берега, она могла бы подтвердить, что Азия и Америка отделены друг от друга. Вот эту-то задачу и считали главной для экспедиции Врангеля некоторые моряки-географы.

Почти одновременно с путешествием Врангеля и Анжу в дальних походах были корабли Беллинсгаузена и Лазарева, искавшие Антарктиду, и корабли Васильева и Шишмарева, которые тоже должны были подтвердить

раздельность Америки и Азии. Таким образом, отряд Врангеля был одним из отрядов богатырского предприятия русских моряков.

Итак, не морские штормы, а снежные бури, не каюта, а палатка, не шлюпка, а нарты с собачьей упряжкой ждали в недалеком будущем Фердинанда.

Он жил лихорадочно. Вот и март на дворе: пригрев солнышка, влажный ветер. Скорей, пока еще держится санный путь. Уложены вещи, инструменты, карты. В кожаный бьювар упрятан «План как производить опись Земель, лежащих на Ледовитом море к северу против рек Яны и Колымы», составленный Сарычевым, и «Инструкция Его Императорского Величества из Государственного Адмиралтейского Департамента командиру первого отряда Г. Флота Лейтенанту Врангелю».

Да, уже лейтенанту. И Врангель и Анжу получили следующий чин. Правда, еще не заготовлен диплом с длинным и торжественным текстом и еще не скреплен этот документ массивным сургучом печатей Адмиралтейств-Коллегии и большой государственной, но друзья уже лейтенанты.

Наступает последний петербургский день — 23 марта 1820 года. У дома номер 430 на 14-й линии Васильевского острова, где живет доктор Анжу, отец лейтенанта Анжу — приятеля Врангеля, останавливаются ямщицкие сани. Из подъезда выходят моряки. Доктор Анжу в наброшенной на плечи енотовой шубе спешит за молодыми людьми.

— Прощайте, батюшка.

— Прощай, Петруша. Прощай, Фердинанд Петрович. Храни вас бог.

Ямщик трогает. Привстав в санях, машут старику сын Петруша да рыжий его приятель.

Сани скрываются за углом, только след от лошадиных копыт и санных полозьев остается на грязном, осевшем мартовском снегу. А старик в распахнутой шубе все еще стоит посреди улицы.

И пошли мелькать полосатые версты, станции с неизменными пузатыми самоварами да тараканами-прусаками, деревни в сугробах и церквушки с погостами. Из Петербурга в Москву (семьсот двадцать восемь верст) добирались десять дней. В Москве Врангель и Анжу

простились, и Фердинанд уехал вперед с мичманом Матюшкиным и двумя матросами. Штурман Прокопий Козьмин задержался в Москве...

Бог ты мой, ну и велика же ты, матушка-Русь, думалось и лейтенанту, псковскому уроженцу, и мичману-москвичу, и матросу Савелию Иванинкову, тамбовскому крестьянину, и матросу Михайле Нехорошкову, архангелогородцу. Ну, и велика! Беспредельная, бескрайняя, что твой океан! Сотни верст да сотни верст, и все — Россия.

Пять с лишком тысяч верст отмахали они по тракту от Москвы до города Иркутска. Одних губерний миновали семь. Что ж до уездов, посадов и деревень, так и не перечтешь.

Весна гналась за ними по пятам, опережала бег лошадей. Весна вскрывала на пути реки, а низины наполняла говорливой и мутной талой водой. Когда же в середине мая заблестели перед ними купола Иркутска, там уже зацветали сады.

Отдохнув в хлебосольном Иркутске, Фердинанд и его спутники, проделав еще двести тридцать шесть верст, увидели великолепную могучую Лену. Большая остойчивая плоскодонная барка понесла их вниз по Лене. И уже не было по сторонам ни верстовых столбов, ни придорожных станций, ни полосатых шлагбаумов, лишь немногочисленные безлюдные пристани встречались на обрывистых берегах.

Барка доставила моряков в Якутск. Северный городок с его крепкими бревенчатыми домами за глухими заборами и деревянной крепостицей времен царя Алексея Михайловича, печальный и сумрачный городок русских мещан и якутских ремесленников приютил путешественников.

Первыми покинули Якутск мичман Матюшин и матрос Савелий Иванинков: Врангель отрядил их в главную базу экспедиции — в Нижне-Колымск. Сам он вынужден был задержаться. Фердинанд был нездоров, хандрил и сетовал на все и вся. «Я должен, — раздраженно писал он из Якутска Федору Литке, — на время отстать от экспедиции, должен глотать лекарства тогда, когда присутствие мое весьма нужно в Колымске, чтобы распорядиться для зимовки и пр. Ты можешь представить какое мое положение... Итак, будь готов, любезный, на весьма

скучное письмо: с больного не должно взыскивать строго».

Лишь в середине сентября, в холодный и ясный день Фердинанд Врангель, матрос Михайло Нехорошков и житель Якутска отставной унтер-офицер Иван Решетников, изъявивший, как он говорил, желание «усердием своим способствовать к успеху экспедиции», и проводники-якуты пустились в путь.

2 ноября 1820 года лейтенант прибыл в Нижне-Колымск. Одиннадцать тысяч верст отделяло его от Петербурга. Он хотел пройти испытания в стихиях севера. Он уже получил их отчасти, и получит еще, с лихвой... Впрочем, в самом Нижне-Колымске на первый взгляд было не худо. Особенно после дороги, на которой и шалаш показался бы раем.

Матрос Савелий Иванинков радостно приветствовал приезжих.

— А где Федор Федорович? — спросил его Врангель.

— Господин мичман поехали в устье глядеть на рыбный промысел. Тутошний исправник, ваше благородие, ничего для нас не припас... Да вон, кажись, и Федор Федорович.

Действительно, мичман Матюшкин летел на нартах к Врангелю. Он был в таком же наряде, как и Фердинанд, но оба они не видели себя в зеркале, и потому, встретившись, расхохотались. Они никогда не питали друг к другу особой нежности, но тут вдруг обнялись совершенно по-дружески.

Матюшкин усадил лейтенанта на свои нарты и подвез к большому рубленому дому. Бородатые плотники достраивали на нем бревенчатую башню для астрономических наблюдений (в башне было четыре окна — на четыре стороны света). В морозном чистом воздухе отчетливо, звонко и весело стучали топоры.

— Наш Савелий протапливает дом уже несколько дней,— говорил Матюшкин, подходя с Врангелем к крыльцу и отворяя дверь.— Дом пустовал долго, года четыре. Здешние уверяют, что в нем завелся нечистый.

— Коли его и не было, так теперь будет,— шутливо отвечал Врангель.— Я грязен, как дьявол, и мечтаю о баньке.

— Банька есть, да плохонькая, за острогом,— сказал мичман, пропуская Фердинанда вперед.

Изба, отведенная начальнику экспедиции, состояла из двух довольно просторных комнат. Первая отапливалась русской печью, вторая чувалом — камельком из жердей, обмазанных глиной. Маленькие оконца с толстыми пластинами льда вместо стекол пропускали мутный свет и напомнили Фердинанду окна корабельной каюты.

Если льдышки заменяли стекла, то широкая грубая скамья должна была заменить путешественнику кровать, а скрипучий, готовый развалиться стул да маленький столик составить всю меблировку.

— Дворец, ей-богу, дворец, — говорил Врангель, стаскивая рукавицы и сбрасывая капюшон оленьей кухлянки.

— А не хотите ли осмотреть все владение? — в тон ему с полупоклоном спросил Матюшкин. — Пойдемте на башню.

Они поднялись наверх. Плотники-бородачи потеснились в уголок, глядя на нового офицера с нескрываемым любопытством.

Даже с высоты, откуда любой пейзаж кажется привлекательнее, зрелище, открывшееся Врангелю, было печальным. Десятка четыре хижин и юрт с сизыми столбами дыма над ними, потемневший и осевший за полтора века острог, возведенный казаком Стадухиным, да луковка церквушки с унылым голодным вороном на кресте. Трехверстая ширь замерзшей Колымы. Уходящая к горизонту тундра с искривленными лиственницами и кустарником. Тундра, беспредельность которой может сравнить с океаном лишь тот, кто никогда не любовался живой прелестью водных просторов.

Тягостная, цепенящая душу печаль тундры, сиротство черных строений в равнодушной белизне сыпучих снегов и дальний песий вой, похожий на волчий, безнадежный, как сама тундра.

Некрасивое, обветренное лицо Фердинанда с растрескавшимися губами отразило его думы. Он стоял молча. Матюшкин понимал его. Мичман думал о том же. Пройдут годы, не месяцы, а годы. За тысячи и тысячи верст от близких сердцу. Они будут терпеть нужду, сносить такие холода, когда даже олень бежит к лесам и притаивается в чаще, замерев, не шелохнув. Как узник в темнице ждет солнечный луч, так и они будут ждать почту...

И оба вздрогнули: обоим померещилось, что нет выхода из этой открытой со всех сторон западни, что сгинут они тут и погребут их под надтреснутый звон старенького колокола, а ворон, вон тот, голодный и тощий, на перекладине креста, закружит над острогом и домиками, над тундрой и умершей подо льдом рекой Колымой.

Вдруг на улицах (если только можно было назвать улицами кривые стежки, протоптанные в снегу) показались с ведрами и коромыслами девичьи фигуры. Одна за другой, вереницей, стайками заспешили они к реке, к прорубям, и было в этом движении такое оживление, что Врангель недоуменно подтолкнул локтем Матюшкина.

— Скоро полдень, и дѣвицы идут по воду,— объяснил мичман.— Это здешний обычай — наряжаются в лучшее, идут к прорубям. Парни тоже приходят. Уговариваются об вечеринках. Ну, как у нас, у колодцев. А среди дѣвиц есть прехорошенькие,— не без лукавства добавил Матюшкин, зная некоторые слабости лейтенанта.

— Хм! Амур порхает и на шестьдесят восьмом градусе северной широты,— усмехнулся Фердинанд.

— И довольно резво,— поддакнул Матюшкин.

Посмеиваясь и пошучивая, отрешившись от мимолетной тоски, они сошли вниз, в комнаты, где матросы уже хлопотали над обедом, в печи пылал огонь, в закопченном чайнике булькал кипяток, на столике лежали

свежие омули, пойманные нынешним утром в проруби, и стоял штоф хлебного вина.

За обедом моряки разговорились. Матюшкин ругался: местный исправник, растяпа эдакий, ничего не сделал для экспедиции, хотя его загодя предупредили о ней из Якутска. Правда, мичман успел кое-что припасти, договорился о закупке ездовых собак с казаком Антоном Татариновым, лучшим колымским собачником, а с другим казаком, искусным охотником Солдатовым, условился о поставке дичи.

— Полагаю, Федор Федорович,— заметил Врангель,— что мы будем готовиться к нашим вояжам и займемся астрономическими наблюдениями. В конце января ожидаю я нашего штурмана с большим транспортом припасов. А вам надо съездить к чукчам, рассказать об нашей экспедиции, просить о помощи.

На дворе смеркалось. В Нижне-Колымск возвращались охотники. Бородагые, кряжистые, в кухлянках с капюшонами, подпоясанные кушаками, на которых висели большие ножи, медные трубки с коротенькими чубуками и кисеты с огнивом и табаком, они шли устало и грузно. Одни несли рыбу, другие — «пакасть», как они называли дичь.

Ледяные окна в хижинах засветились бледным светом фитильков, горевших в жировых плошках. К звездам летели из дымоходов искры. Северо-западный ветер, ветер Ледовитого океана, гасил их. Новые искры взмывали в ночь и гасли. Где-то завывла собака, потом другая, третья... Жуткий хор, в котором, несмотря на его слитность, различались низкие, средние и высокие голоса. Их тоже, как и летящие искры, подхватывал северо-западный ветер. Но искры гасли, а вой оставался.

Матюшкин ушел к себе, в соседнюю избу. Матрос Михайло Нехорошков улегся на печи, блаженствуя, вспоминал такую же печь, такое же домовитое тепло в родной его Трифоногорской деревне Пинегской округи Архангельской губернии, в той деревне, что покинул он шесть лет назад, забритый на цареву службу.

Врангель сидел за столом, подперев голову руками. Множество чувств теснилось в его душе, хотелось излиться в письме к Федору Литке, но он так и не взялся за перо, а вздохнув, поднялся и пошел на башню. Вышел, огляделся и застыл, пораженный сияющей красой небосвода. Долго стоял он на башне, будучи не в силах

оторвать взор от фантастической игры света и теней. Когда Фердинанд спустился в комнату, было далеко за полночь. Он придвинул чернильницу и торопливо раскрыл журнал.

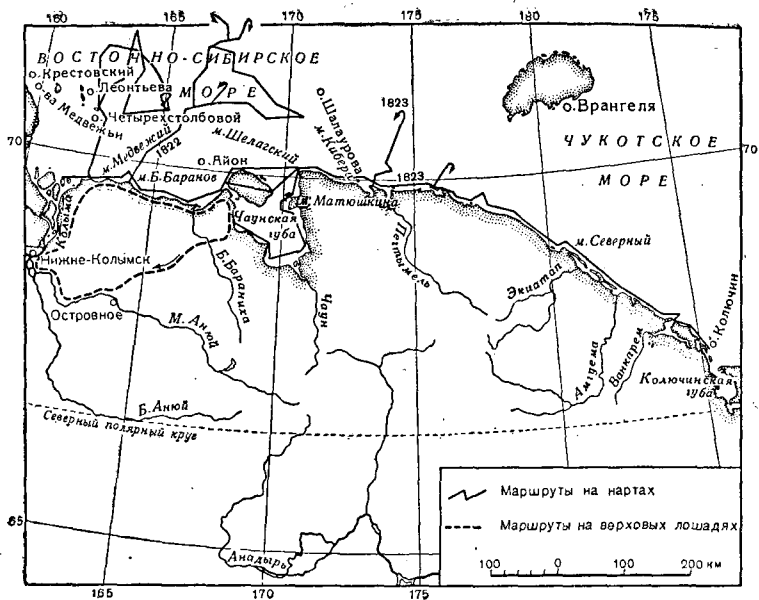
«...То окрашивалось небо, — писал Врангель, — дугообразным тусклым светом, то двигались медленно и быстро огненные столбы, то зажигались пуки ярких лучей, достигавших расходящимися вершинами до зенита, изображая светлые венцы... Мгновенные изменения, тысячи бестелесных фигур, появлявшихся, как светлые тени, на темно-голубом небе при глубокой ненарушимой тишине ночи, придавали явлениям необыкновенную значительность и таинственность, приковывавшие изумленного наблюдателя силой как будто сверхъестественной».

Мохнатые, черные, пегие, белые собаки рванули нарты и понеслись вперед, прижав уши и вытянув длинные, схожие с волчьими морды.

Снег был крепкий, мерзлый. Нарты скользили легко. Собаки бежали резво. Откормили их на славу, и они усердствовали, старались.

На первых нартах ехал Врангель с казаком Артамоном Татариновым. На другой — казак-проводник. На третьей — еще один провожатый и штурман Прокопий Козьмин. (Прокопий приехал в Нижне-Колымск в начале февраля; как и надеялся Врангель, он привез из Якутска большой запас продовольствия.) Все они были одеты в меховые кухлянки, в руках держали толстые палки, увешанные на концах колокольчиками. Палки эти служили им и опорой, и орудием для управления упряжками. На нартах под кожаными покрывалами, крепко-накрепко стянутые ремнями, лежали семьдесят пять пудов груза: харчи, инструменты, оленье одеяла, палатка, железная плита для раскладывания огня на снегу, корм для собак.

Быстро неслись нарты. Ветер, казавшийся довольно слабым, когда моряки и казаки вышли из дому, на ходу резко усилился и бил в лица. И хотя лица путешественников были защищены «системой» из оленьих шкурок — налобников, наносников, нагубников, набородников, все же ветер больно резал кожу. Но путникам некогда сетовать: они все время в напряжении, все время настороже. Ледяная кочка, сугроб, валун — и нарты мгновенно

Маршруты Ф. П. Врангеля на севере восточной части Сибири

опрокидываются; надо сбалансировать, соскочить, на бегу поправить нарты.

Пропали из виду домики Нижне-Колымска, скрылась луковка церкви. Голо, белó, лишь кое-где ловушки на песцов. А упряжки все бегут и бегут, по десяти, двенадцати верст в час.

Так было 19 февраля 1821 года. Впереди первый поход по льду Ледовитого океана. Предстоит изучить неведомый берег океана к востоку от устья Колымы. Как далеко на восток? Это уж смотря по обстоятельствам. Лучше всего до Шелагского мыса.

Вот и устье Колымы. На возвышении чернеет башенка, сложенная почти сто лет назад лейтенантом Лаптевым. Упряжки поворачивают на восток. Пунктир собачьих следов отпечатывается на гладком, немного заснеженном льду. Путешественники двигаются в нескольких сажнях от берега по замерзшему Ледовитому океану.

Как и на корабле, необходим был строгий распорядок походных будней. Врангель обдумал его еще в Нижне-Колымске. В шесть утра все уже были готовы в путь. Нарты трогались. Долгого отдыха не устраивали. Делали остановки лишь для научных занятий: определения координат приметных точек побережья, нужных для составления карты, для наблюдений за компасной стрелкой, необходимых при изучении земного магнетизма, и т. д.

Вечером путники разбивали палатку. На берегу было много наносного леса, и они раскладывали в своем шатре жаркий костер. Казаки варили ужин. Врангель и Козьмин приводили в порядок данные, полученные днем. Скорчившись у костра и мигая воспаленными от дыма глазами, они усердно чиркали в путевых журналах.

Спали всего лишь несколько часов, тесно прижавшись друг к другу, плотно завернувшись в олени одеяла. Поднимались рано. Мылись снегом, завтракали, чистили посуду, сворачивали палатку и грузили поклажу на нарты. Оглушительный лай собак сопровождал каждую «съемку с якоря...»

Плавание «Камчатки» в северных водах Тихого океана, когда приходилось часами дрогнуть на верхней палубе, казалось теперь блаженным временем. Черт побери, думал Врангель, да там был рай! А тут... тут проклятая стужа превращала работу в чистую каторгу.

Судите сами. Врангель выбирается ночью из палатки. Ему нужно сделать несколько астрономических наблюдений. Луна светит. Хорошо! Наметанным глазом он быстро отыскивает яркий Поллукс из созвездия Близнецов, потом ярчайшую в созвездии Возничего звезду Капеллу. Отлично! Теперь он возьмет несколько высот Капеллы и определит истинное время. Ба! Что это? Ртуть в искусственном горизонте покрылась от холода кристалликами. Врангель бранится: «Какие к дьяволу наблюдения!»

Секстан — штука тонкая. В рукавицах с ним ничего не поделаешь. А снимешь рукавицы, пальцы обожжет мерзлый металл. Только приноровишься, стекла и зеркала прибора покрылись тонким ледком, и увидишь в них так же, как через печные заслонки. Да к тому же фонарик с двумя свечками светит слабо, до ломоты в висках приходится напрягать зрение, считая на дуге секстана градусы, минуты, секунды. А хронометры останавлива-

ются от холода. Врангель прячет их днем под одеждой, а ночью согревает своим телом, как мать дитя.

Нарты двигались на восток. Время от времени Врангель приказывал остановиться для того, чтобы соорудить провиантские склады. Делались они весьма нехитро. Выбрав столбы из наносного леса, путешественники зарывали их в снег в вертикальном положении и на вершине, на высоте двух-трех метров укрепляли ящик с припасами. Врангель и его спутники надеялись, что уж там-то до припасов никак не доберутся песцы и росомахи, и рассчитывали воспользоваться этими складами на обратном пути.

В начале марта движение отряда не было столь быстрым, как в феврале. Огромные ледяные торосы, словно преграды, созданные духами Севера, громоздились вокруг; собаки порезали лапы, с березовых полозьев скалывалась скользкая корка, рвалась на людях одежда. Собрав все силы, физические и нравственные, задыхаясь, обливаясь потом, несмотря на тридцатиградусный мороз, два моряка и трое казаков пробивались к Шелагскому мысу.

Вот как сам Врангель описал впоследствии этот отрезок пути, похожий на дорогу в ад.

«Проехав около 30 верст между высокими торосами и перебравшись с величайшим трудом через острогранную льдистую стену, достигли мы, наконец, северо-западной оконечности Шелагского Носа. Путь около него превзошел трудностями и опасностями все доселе нами испытанное. Часто принуждены мы были карабкаться на крутые, в 90 футов вышиной, ледяные горы и с такой вышины спускаться по крутизне, находясь каждую минуту в опасности переломать сани, задавить собак или низвергнуться вместе с ними в ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большим пространствам, проваливаясь по пояс в рыхлый наносный снег; иногда встречали мы между торосами непокрытые снегом места, усеянные острыми кристаллами морской соли, отдиравшими лед с полозьев нарт и до того затруднявшими езду, что мы должны были сами запрягаться вместе с собаками, с величайшими усилиями тянуть сани, чтобы не остаться на дороге. Нагроможденные одна на другую льдины заслоняли нам мыс. В тех местах, где мы приближались к берегу, состоял он из черной, плотной

и блестящей, неизвестной мне каменной породы и являлся в виде правильных, наклонно лежащих столбов до 250 футов вышиной, между которыми кой-где проглядывали, в несколько сажен ширины, полосы белого мелкозернистого гранита.

Мрачные черные утесы, веками нагроможденные, никогда не растаивающие ледяные горы, необозримое, вечным льдом скованное море, все освещенное слабыми, скользящими лучами едва поднимающегося над горизонтом полярного солнца, совершенное отсутствие всего живущего и ничем не прерываемая могильная тишина — представляли нам картину как будто мертвой природы, которую описать невозможно. Казалось, мы достигли пределов живого творения».

У Шелагского мыса начались новые трудности: продовольствие, как того и следовало ожидать, подходило к концу. Одно дело, когда на бумажке точно считаешь, на сколько хватит запасов и каков будет суточный рацион. И совсем иное, когда среди торосов, черных скал и бескрайних снегов заглядываешь не в бумажку с расчетами, а в ящики и мешки и видишь, что они почти пусты.

Врангель колебался. На обратном пути у него были четыре склада. Но кто знает, сохранились ли они? А Врангелю так хотелось шагнуть за «пределы живого

творения». Он снова пересчитал запасы, посоветовался с Козьминым, с казаками. И рискнул еще продвинуться к востоку.

Отряд прошел сорок миль. Пределов «живого творения» не было: береговая полоса уходила все дальше и дальше. Зато уж весьма и весьма заметен был предел муки, говядины, рыбы, сахара. Лейтенант решил возвращаться. На скале мрачного Шелагского мыса поставили они большой деревянный крест и выжгли на перекладине дату посещения мыса отрядом Врангеля.

Упряжки побежали на запад. Черные скалы и деревянный крест быстро исчезли в поднявшейся вьюге...

Вьюга выла. Низко над самой головой мчались тучи северного ненастья. Ветер дул противный, сильный, затрудняющий бег собак. Упряжки бежали на запад... Вот и первый склад продовольствия. Прекрасно: он цел! И люди и собаки повеселели.

Но радость была непродолжительной. Чем ближе подъезжали путники к Нижне-Колымску, тем больше огорчались и досадовали: остальные три склада, три ящика на высоких столбах были начисто разграблены песцами и росомахами.

Пришлось потуже подтянуть пояса. Можно было бы в крайнем случае прокормиться собачиной. Врангель пошел бы на это, если бы не сравнительная близость Нижне-Колымска, в значительной степени подкреплявшая чувство жалости к славным псам, сослужившим добрую службу.

На последних переходах ни люди, ни животные не имели ни крошки съестного. Обессиленные, измученные, отошавшие, они 14 марта 1821 г. увидели церковную луковку, черные домики, которые показались Врангелю столь заветно дорогими, столь приветливыми и уютными, как никогда в жизни не казались ему крыши и колокольни портовых городов, увиденные с корабля.

Отряд отсутствовал больше трех недель. За это время в Нижне-Колымске появился доктор медицины, натуралист Август Кибер, прикомандированный к экспедиции.

Мичман Матюшкин вернулся из поездки к чукчам, рассказывал много интересного об этих полярных кочевниках. Хладнокровные и смелые, проворные и неутомимые, они произвели на мичмана очень благоприятное впечатление.

— Я узнал, господа,— говорил он, ужиная с товарищами в доме Врангеля,— что чукчи ездят для меновой торговли в Америку, к тамошним туземцам. Представляете? На утлых-то байдарках по бурному и туманному морю? Я, право, удивляюсь их смелости!

— Но удалось ли вам столкнуться с ними об нашей экспедиции? — спросил штурман Козьмин, поднимая на Матюшкина внимательные серые глаза.

— Думаю, что Горчаков, мой однокашник лицейский, а теперь дипломат, сделал бы не больше моего,— пошутил Матюшкин.— Я устраивал знатные приемы для чукотских старшин и меня тоже принимали с почетом. Помните эпиграф в книге Василия Михайловича о Японии? «Нравы народов различны, но хорошие поступки всюду признаются таковыми». Словом, расстались мы все в самом лучшем расположении духа, и я, а стало быть, и вы, получили приглашение посетить чукчей.

— Bravo, Матюшкин! — воскликнул Врангель.— Bravo, наш северный канцлер и министр иностранных дел!

Все засмеялись.

— Однако, господа,— продолжал Врангель серьезным, деловым тоном,— новое посещение Шелагского мыса полагаю я совершить в будущем году. Ныне, в марте, мы предпримем еще одну поездку на собаках, но уже не на ост, а к норду. Вы, Прокопий Тарасович,— Врангель взглянул на штурмана,— останетесь в Колымске, найдете умельцев и соорудите нам гребное судно. Летом мы начнем опись устья Колымы.

— Мне бы хотелось, Фердинанд Петрович,— заметил Козьмин,— вновь сопровождать вас.

— Э, нет,— вмешался Матюшкин.— А я как же? Теперь, Прокопий Тарасыч, мой черед.

Штурман, соглашаясь, развел руками.

Второй рейс (26 марта — 28 апреля 1821 г.) был и продолжительнее и опаснее первого.

Поезд из двадцати двух нарт растянулся почти на полверсты: Врангель, Матюшкин, матрос Нехорошков, казаки, унтер Иван Решетников и еще один доброволец, испытывавший жажду к походам и подвигам,— колымский торговец Федор Бережной, явившийся, как старин-

ный ратник «конный, людный и оружный», то есть со своими нартами, проводниками и припасами*.

Когда партия миновала устье Колымы и лаптевскую бревенчатую башню и вышла в море, ее встретили уже знакомые Врангелю препятствия — торосы. Выбравшись из этого лабиринта путешественники увидели замерзший океан с поднимающимися кое-где, словно острова, торосами.

Неожиданно из-за одного ледяного острова появился белый медведь. Собаки подняли невообразимый лай, шерсть на них вздыбилась, морды оскಾಲились. Зверь, струсив, пустился наутек. Поспешное мишкино бегство мгновенно возбудило охотничий азарт. Схватив ружья, копыя, луки, путники, сопровождаемые собачьей сворой, погнались за медведем.

Грянули выстрелы. Сорвались с туго натянутой тетивы стрелы. Зверь был ранен, но бежал еще скорее. Преследователи не унимались. Азарт удесятерил их силы.

Травля длилась три часа. Наконец, бедный медведь не выдержал, поднялся на задние лапы и... ринулся на охотников. Впереди других оказался казак Котельников. Бородатый крепыш не дрогнул. Расставив ноги и тяжело дыша, он ждал зверя. В одной руке казак держал копьё, в другой — ружье.

Все произошло мгновенно. Котельников подпустил разъяренного медведя шагов на пять и сразил его ударом копыя и ружейным выстрелом.

Все столпились у туши. Алая кровь окрасила снег. На снежной целине кровь казалась особенно яркой. Зверь был велик; весил он почти тридцать пять пудов, и дюжина собак едва его потащила.

Отряд шел на север. Резкий блеск снегов заставил путешественников повязать глаза черным крепом. Юго-западный ветер и гладкость льда помогали собакам.

Двадцать девятого марта Врангель увидел остров, на котором возвышались каменные столбы. Они были

* Федор Бережной жил в Средне-Колымске. Прослышав об экспедиции Врангеля, он обратился с ходатайством «приобщить» его к отряду. Бережной писал в прошении, что «давно имел желание оказать отечеству посильные опыты моего усердия».

похожи на сказочных великанов, превращенных злым волшебником в каменные изваяния.

На острове было много наносного леса. Путники ликовали: давно уж не разводили они настоящих костров, а, сберегая топливо, разжигали лишь огоньки, необходимые для варки пищи, и тщательно, точно драгоценности, сохраняли головешки и угли.

Четыре каменных столба высились над островом, и Врангель назвал его Четырехстолбовым.

Покинув остров, двинулись дальше. Снова высокие, крутые торосы, отливающие голубоватым светом... Широкие полыньи, намного удлиняющие дорогу, коварные трещины, студеная вода, проступающая на льду, и ветер, сотрясающий по ночам палатки.

Так добрались они до других клочков суши и составили точные карты Медвежьих островов — архипелага, заброшенного в Ледовитом океане...

И в Нижне-Колымске бывала весна. Она не проявлялась столь бурно, как в средних широтах. Здесь ее мелодия была робкой. Но, быть может, именно потому все прислушивались к ней особенно чутко, с мечтательной полуулыбкой.

Зяблик подает свой веселенький голосок. На первых проталинах мелко подрагивает хвостом и раскрывает шиловидный клювик трясогузка. Резво порхает маленькая пуночка. С кочки на кочку сигают кулики.

Все яснее, все выше небо. И в нем, в майском небе, летящие с юга стаи лебедей, гусей, уток...

Тундра освобождается от снега, блестит озерами, голубеет незабудками; пахнет тимьяном и полынью. Вскрывается Колыма. Плывут по ней льдины, сшибаясь и громыхая. С середины мая по первые числа июля солнце не покидает небо. Нижне-Колымск окутывается едким дымом: горят кучи мха и сырых дров — городок защищается от летучих армад надоедливых, зловредных комаров.

Коротко северное лето, а надо сделать так много. Врангель планирует свои действия. Он делит отряд на небольшие партии. Одна во главе с Матюшкиным должна описать берег Ледовитого океана между реками Малая Чукочьа и Индигирка, другая — врангелевская — описать (плавая на шлюпке, построенной

Козьминым) устье Колымы, а третья — доктора Кибера — исследовать берега рек Большого и Малого Анюя.

Путешественники покидают колымский городок. Покидают до осени. При первых метелях они вновь сойдутся в Нижне-Колымске и засядут у пылающего чувала над собранными материалами.

* *
*

Минули годы. Закончилось четвертое зимовье экспедиции Фердинанда Петровича Врангеля. В бревенчатом нижне-колымском доме были аккуратно сложены путевые записи, карты, рисунки — молчаливые свидетели опасностей и испытаний, удач и неудач. Несмотря на просьбы Врангеля, полагавшего, что следует продолжать работы, Петербург отвечал: довольно, заканчивайте!

И вот в середине мая Врангель, обуреваемый лирическим настроением, пишет Федору Литке. «Так, милой мой друг, в разговорах наших слышится уже слово: возвращение. Воображение махнуло упругим крылом, и быстрее молнии очутился я под чистым небом, среди тенистых рощ, в объятиях родных и друзей... Густые облака несутся быстро из стран подсолнечных над льдистым покровом Колымы, над голою тундрой берегов ее, над хатами убогих поселян; взор, утомленный печальными видами зимней природы, воскресает, и грудь, стесненная тяжелым дыханием сгущенной атмосферы, поднимается свободнее».

В июне Федор Матюшкин и доктор Кибер оставили Нижне-Колымск. Врангель и штурман Козьмин (лейтенант признательно называл его своим «необходимым помощником») задержались, ожидая чиновника-ревизора. Ревизор тащился долго, еще дольше копался в денежных документах экспедиции, и Врангелю с Козьминым удалось распрощаться с Колымой только в ноябре.

Лишь десять месяцев спустя путешественники прибыли в Петербург, и Фердинанд Петрович поселился на Васильевском острове, неподалеку от Большого проспекта.

Хороша ли была жатва? Чего добились моряки своим подвижничеством? С чем явились они в Адмиралтейство?

Если судить по наградам, то плоды не были богатыми. Врангель удостоился «высочайшей аудиенции»: беседовал, стоя в неловкой позе, с государем и государыней. Получил он следующий чин — капитан-лейтенанта да орден Владимира 4-й степени.

Вспомнив щедроты императора Александра, расточаемые придворным, можно лишь пожалеть плечами и повторить слова Гейне об «истинно царской неблагодарности».

Но были и другие судьи, подлинные судьи — моряки и географы. Нет, говорили они, ничто не пропало даром: ни четырехкратные походы по льдам и торосам, ни тысячемильные скитания по тундре, ни голодовки, ни трудные плавания в шлюпке по Колыме.

Ничто не пропало даром. Еще одна страница великой книги Землеведения была заполнена. И каждая строка ее была добыта невероятным трудом, невероятным терпением.

Легла на карту извилистая черта побережья Ледовитого океана. Тридцать пять градусов по долготе: с запада на восток, от устья Индигирки до Колючинской губы, включая острова Медвежьи и остров Айон.

Степень точности определения широт и долгот, от которой зависела и степень точности карт, была у Врангеля и его спутников столь высокой, что даже скрупулезный и пристрастный ученый — академик Шуберт не удержался от восторгов. «Я думаю, — писал академик, — что нельзя довольно приписать похвал и удивляться ревности, деятельности, старанию, искусству и познанию сих офицеров... Я делал строгие вычисления многих наблюдений и не открыл нигде никакой важной погрешности, почти всегда находя секунду в секунду широту и долготу». Впрочем, не только современные Врангелю, но и нынешние ученые, сравнивая данные Фердинанда Петровича с показаниями новейших карт, отмечают высокое мастерство флотского лейтенанта.

А работы на чукотском берегу, на мысе Шелагском? Вот они-то в особенности интересовали и некоторых русских географов и английских. Англичане были так нетерпеливы, что предлагали тотчас продать им журналы экспедиции. Разумеется, предложение это не было удовлетворено.

Но довольно скоро русское Адмиралтейство ознакомило их с бумагами Врангеля. Интерес этот объяснялся,

как вы, очевидно, помните, поисками Северо-Западного прохода и гипотезами о соединенности Азии и Америки каким-то перешейком где-то далеко на севере. Экспедиция Врангеля развеяла эту гипотезу.

Рейды по океану на север и северо-восток, когда материк терялся в 250-верстной дали, доказали также, что таинственной «Земли Андреева» там нет. Зато на карте, представленной Врангелем в Адмиралтейство, была помечена другая земля. О ней поведали путешественникам чукчи. На карте появилась отметка: «Горы видятся с мыса Якана в летнее время». Пометка находилась примерно на 70° северной широты и 177° восточной долготы.

Его географический прогноз оправдался. В 1849 году английский капитан Генри Келлет приблизительно на месте, указанном Врангелем, увидел с палубы своего судна «Геральд» большой и несколько небольших островов. В 1867 году храбрый китобой Томас Лонг частично осмотрел большой остров и дал ему имя Врангеля*.

Славный шведский ученый Адольф Эрик Норденшельд подчеркивал, что русские моряки «оказали важную услугу исследованию полярных стран, доказав, что море даже вблизи полюса холода не покрыто сплошным и крепким ледяным покровом даже и во время сильнейших морозов».

Трудные походы по льдам, те походы, которые Матюшкин именовал «собачьими» в прямом и переносном смысле слова, позволили Врангелю дать первое научное описание полярных льдов. Однако и тут не исчерпывается даже беглый перечень достижений экспедиции. Не страшась преувеличений, сказать должно: труды Врангеля и его товарищей составили эпоху в изучении Арктики. Не одни карты да таблицы долгот и широт, не только подробные описи рек и островов, не только тщательные отчеты о санных рейдах привез Врангель в Петербург. Были в его багаже и пухлые тетради синеватой бумаги — тетради метеорологических наблюдений.

Наблюдения эти велись в той самой деревянной башне, что высилась над нижнеколымским «дворцом»

* По другим источникам наименование «Земля Врангеля» было дано лейтенантом американского флота Р. М. Берри в 1881 г. Он же впервые исследовал этот остров.

Врангеля. Пусть там лишь замеряли температуру воздуха и определяли направление ветров. Пусть работы прерывались на время отъездов из Нижне-Колымска. Все-таки то была первая метеорологическая станция в Северной Якутии. И долгие годы все, кто занимался климатом России, обращались к тетрадам Врангеля.

И, наконец, была еще одна группа материалов, вывезенных экспедицией Врангеля с берегов Ледовитого океана,— этнографические материалы. Многие русские моряки оставили в своих сочинениях блестящие этнографические описания, которые, право, сделали бы честь и дипломированным университетским ученым. То же можно смело утверждать и о Фердинанде Петровиче Врангеле.

Казалось бы, что сулил дальний Север с его безжизненными снеговыми просторами и голыми, унылыми грядами возвышенностей, похожих на мертвенную поверхность луны? Но ведь Врангель, как и учитель его капитан Головнин, был наблюдателем зорким и вдумчивым, терпеливым и благожелательным. Он и там, на «безжизненном» дальнем Севере, увидел очень многое; увидел и тщательно описал, не упуская подробностей и мелочей, быт и нравы северных народностей.

Чаще всего ему пришлось встречаться с юкагирами и чукчами, и они, естественно, привлекли самое пристальное его внимание.

Чукчи были тогда отсталыми и наиболее обособленными среди народов Севера. К русским относились они настороженно, а зачастую и враждебно. Враждебность чукчей объяснялась несколькими вооруженными столкновениями с русскими пришельцами. Однако дружелюбие и бескорыстие Врангеля и его спутников расположили к ним храбрых кочевников. Чукчи не только не причинили путешественникам никакого вреда, но и без утайки рассказывали о своей жизни, о походах через пролив к американским туземцам, рассказали и о том острове, который впоследствии получил имя Врангеля.

Немало записей посвятил лейтенант юкагирам. Кочевые охотники-рыболовы, обитавшие в бассейне Колымы и низовьях некоторых других северных рек, были некогда многочисленны. Но и до экспедиции Врангеля и после нее будто злой рок преследовал юкагиров: голодовки, эпидемии, падеж оленей, кровопролитные схватки с со-

седями. Ввергнутые в нищету, они умирали целыми семьями; при царизме им уже не суждено было оправиться, вновь сделаться многочисленной народностью.

Чукчи и юкагиры, чуванцы — рыболовы и олениводы, совсем не исследованные до Врангеля, ламуты с колымских берегов и этнографические группы, ныне вовсе исчезнувшие с лица земли,— все они были внимательно изучены Врангелем и его неутомимыми спутниками.

Таков был научный подвиг, совершенный Фердинандом Петровичем Врангелем*. И подвиг этот был достоин не ордена Владимира 4-й степени, а лавров выдающегося географа.

* *
*

Утро наступило солнечное, прозрачное, хотя и холодное. Было так тихо, что, казалось, тишь эта вот-вот зазвонит и рассыплется на мелкие, льдистые, сверкающие кусочки.

Солнце позолотило Неву, купола пятиглавой церкви Св. Троицы, брызнуло в окна деревянных домиков. Слобода, раскинувшая свои строения, верфи, выпасы и огороды за Невой, по берегам рек Большая и Малая Охта, просыпалась.

Часам к шести на верфи у Малой Охты собрались плотники и столяры, кузнецы и конопатчики, матросы и мачт-макеры, как по старинке называли тех, кто изготовлял корабельные мачты.

Немного поодаль от них стояли флотские офицеры и корабельный инженер Стоке. Стоке выстроил на своем веку немало «ходовков» для российского военного флота. Выстроил он и шлюп «Камчатку», на котором плывал Головнин, и шлюп «Восток», ходивший под командой Беллинсгаузена к Южной Матерой Земле, и шлюп «Открытие», одолевший с капитаном Васильевым штормы четырех океанов... И вот теперь Стоке закончил постройку еще одного корабля — военного транспорта «Кроткий». Добрый трехмачтовик, водоизмещением в 484 тонны. «И этот не осрамится,— думал инженер, глядя на транспорт.— Правда, капитан уж очень молод. Эк ведь, и тридцати еще нет».

* Впоследствии Ф. П. Врангель описал свою полярную экспедицию в книге «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю 1820—1824 гг.».

Задумавшись, Стоке вздохнул. Запах сырости и дерева, пеньки-сечки и смолы, грубоватый и приятный запах верфи заставил его встрепенуться. Он шелкнул крышкой часов и обратился к невысокому рыжеватому капитан-лейтенанту:

— Фердинанд Петрович, полагаю начинать можно?

Врангель, говоривший о чем-то со своим старшим офицером Лавровым, посмотрел на сухощавого, гладко выбритого инженера, улыбнулся и ответил, что начинать не только можно, но и должно.

Стоке подозвал помощника. Толпа мастеровых и матросов задвигалась, сгрудилась и затихла. В тишине громко застучал топор. Спуск «Кроткого» начался..

«Спущен корабль на воду, сдан богу на руки»,— говорили некогда. Но те, чья жизнь была связана с морем, знали и другое: «На бога надейся, а сам не плошай!» А площадь не приходилось уже с той минуты, как дубовый киль «Кроткого» коснулся воды.

Гребные баркасы медленно повлекли транспорт вниз по Малой и Большой Охте, потом — по Неве. Вскоре за поворотом реки скрылись приземистые строения и купола слободской церкви.

«Кроткий» сошел со стапелей в мае 1825 года. Но до тех пор пока форштень его взроет валы океана, он стоит несколько месяцев в Кронштадте. Там корабль вооружат парусами, снабдят такелажем, сорокапудовыми якорями, загрузят припасами и товарами для Петропавловска-на-Камчатке, провизией, порохом в медных ящиках, бочонками с водкой и ромом.

Снаряжение «Кроткого» в кругосветное плавание заняло все лето. И вот опять, как в день рождения корабля, было раннее утро. Только не майское, а августовское. Восходило солнце. Тянул южный ветер. Пятьдесят человек — экипаж «Кроткого» — стояли на палубе. И все, от старшего офицера Лаврова до юного матроса-барабанщика, услышали команду; голос Врангеля прозвучал высоко и выдал его волнение.

Вечером 23 августа 1825 года, в первый вечер на море, Фердинанд Петрович сидел в своей каюте. Набросив на плечи сюртук, он сидел за столиком, на котором лежал путевой журнал. Листы журнала были чисты. «Занимательнейший роман — жизнь моряков,— думал он, очиняя гусиное перо.— Занимательнейший, потому что он

естественный. Однако и в этом невыдуманном романе приключаются часто самые невероятные вещи...»

Он секунду-другую смотрел на обложку путевого журнала, потом обмакнул перо, удобно положил локти и начал писать.

Подлинные записки морехода! Страницы, исписанные в тесной каюте под мерный рокот волн, в тихих напевах вечернего ветра. Русская морская библиотека насчитывает немало таких книг. Однако записки Врангеля постигла необычная судьба. Ни тогдашний, ни нынешний читатель так и не познакомились с ними. Лишь одна глава была опубликована в журнале «Северный Архив» в 1828 году. Одна глава...

У рукописей, как и у книг, своя судьба. Записки моряков могут храниться и не в морском архиве. Нашли ведь лазаревское описание путешествий на шлюпе «Благонамеренный» в Смоленске. Да и мне дневники пушкинского друга мичмана Федора Матюшкина довелось читать отнюдь не в собрании флотских документов. Безмолвно, словно затонувшие корабли, лежат такие записи, дожидаясь своего часа.

Врангель происходил из эстляндских дворян. Последние годы его жизни прошли в Эстонии... И я отправился на родину Врангеля. Туманным и влажным днем, какие часто бывают в Прибалтике, приехал в Тарту. Остановился в гостинице «Тооме», маленькой и уютной, похожей на отели из старинных романов, и в тот же день пришел в архив, что на улице Лийви.

Несколько историков молчаливо работали в зале, обложившись связками пожухлых бумаг. Мне неожиданно вспомнился французский фильм «Двадцать минут под водой». Подобно героям фильма, историки погружались в пучины, сумеречные и таинственные, сулящие столько неожиданностей.

Погрузился и я. Вскоре в руках у меня, были рукописи, помеченные шифрами: «Фонд 2057, опись 1, дело 310» и «Фонд 2057, опись 1, дело 312». На обложках я прочел, что это — путевые записки капитан-лейтенанта Врангеля, веденные им на борту «Кроткого». Я принялся читать дневник, осторожно переворачивая большие плотные листы. Исчезли и архивная зала, и молчаливые историки, и я сам...

«Кроткий» в море. Перед взором капитана одна за другой возникали картины, памятные с юности.

Волны Балтики, поутру светло-зеленые, будто разлита в них ярь-медянка, к вечеру темнее, как швейнфуртская зелень. Алые паруса датских лоцманов. Тучи Северного моря, рыбацьи суденышки. Резвый бег маленьких пароходиков из Англии во французские бухты, из Франции — в английские.

А в октябре 1825 года впереди по курсу — могучая ширь Атлантики. И снова — восемь лет спустя — океан, здравствуй! Врангель смотрит на своих старых спутников: на задумчивого Матюшкина, на штурмана Прокопия Козьмина, на доктора Кибера. Он берет под руку лейтенанта Лаврова и, обращаясь ко всем, негромко, сдерживая дыхание, говорит:

— Я чувствую себя вновь на свободе. Ведь для меня — все в океане и все — океан...

Вечерами он склоняется над путевым журналом. Событий немало. Разминулись с купеческими бригами — норвежским и французским.

Для перехода жарким поясом несколько изменили судовой рацион.

Прошли тропик Рака.

Команда занята: одни исправляют койки, слесарничают, другие чинят платье, матрос Савелий Иванович, тот самый, что был на Колыме, возится с походной кузницей.

В тринадцатый день ноября «Кроткий» поднимает флаг и салютует экватору. «Кроткий» — в южном полушарии. Спустя еще две недели капитан пишет спокойно, ибо корабль не переваливается, не рыскает, а лишь чуть покачивается на якоре.

«Вечеру настало безветрие, солнце закатилось прекрасно, все горы Рио-Жанейрские очертились на горизонте, и самый вход был виден. Во всю ночь показывались гребные рыбацкие суда и два или три мелких; однако ж ни те, ни другие к нам не подходили. В 9-м часу утра настал легонький ветерок от NO и ONO, и тотчас направили курс на NtW.

Множество военных постов по горам, выходявшие в море корабли и непрерывная пальба с крепостей — все сие совокупно ознаменовало близость большого города, еще закрывавшегося от нас. Наконец, в 4 часа вечера

положили якорь на рейде против островка Крысьего, глубина $16\frac{1}{2}$ сажен, грунт — зеленый ил с ракушками».

Едва «Кроткий» встал на якорь, к нему подошла шлюпка с португальским офицером. Разбитной черноглазый малый в красивом мундире учтиво приветствовал русского капитана и, выполнив формальности, связанные с прибытием в бразильскую столицу иностранного судна, охотно принялся отвечать на расспросы Врангеля и его спутников. Врангель, между прочим, осведомился о причине пушечной пальбы в Рио-де-Жанейро. Оказалось, что супруга бразильского монарха императрица Леопольдина произвела на свет божий наследника.

К вечеру разразилась одна из тех тропических гроз, когда кажется, что небо рассыплется вдребезги, а горы рухнут в море. Дождевые струи секли, как бичи. Чудилось, что молнии целят в «Кроткий». А тут еще рядом с транспортом стоял бразильский бриг, груженный пятьюстами бочонками с порохом. На русском паруснике все ахнули, увидев как молния зажгла у «бразильца» якорный канат, и огонь быстро и жадно, вытянувшись змейкой, побежал к борту. К счастью, бразильские матросы успели перерубить трос.

К ночи гроза миновала. Врангель вышел на палубу. В разрывах тяжелых туч робко помигивали звезды. Широкие зарницы нет-нет да и охватывали чуть ли не

полнеба. Зарницы... Быть может, то был символ самой Бразилии.

Фердинанд Петрович Врангель не впервые пришел к берегам огромной южноамериканской страны: он видел ее восемь лет назад, путешествуя на шлюпе Головнина.

Тогда Бразилия принадлежала Португалии. Ею правил жестокий и трусливый король Жуан, сбежавший из Европы в 1808 году под натиском наполеоновских штыков. Появление в Рио-де-Жанейро короля с многочисленным и разнузданным двором, разумеется, усилило колониальный режим. В тот год, когда «Камчатка» капитана Головнина посетила Бразилию, там поднялось народное восстание. Восстание было подавлено, и корона удержалась на голове Жуана. Но хотя гроза миновала, зарницы народного гнева нет-нет да и вспыхивали над Бразилией.

Теперь, восемь лет спустя, гористый бразильский берег вновь открылся Врангелю, и он услышал пушечную пальбу в честь новорожденного отпрыска Браганцкой династии. То был уже внук Жуана. А на престоле сидел его сын — Педру I, воспитанный в духе старых европейских феодальных дворов, но, впрочем, более ловкий и хитрый, чем отец.

Педру порвал с Португалией и объявил Бразилию независимой империей. Независимой! Ее самостоятельность была призрачной. Подобно многим своим предкам из Браганцкого дома, Педру всем сердцем уповал на Британию. Его флот был в руках английских офицеров. Английские промышленники и купцы заграбастывали страну. «Итак,— справедливо отмечал в своем дневнике капитан «Кроткого»,— Бразилия более зависит от иностранцев, нежели от самой себя».

Солнечным декабрьским днем моряки снялись с якоря. Рио-де-Жанейро, его колокольни, монастыри, домики с бельведерами — все исчезло из виду.

«Кроткий» снова в пути. Ветер и косые волны пустынного океана несут корабль к мысу Горн. День за днем. Уж очень они похожи, эти дни в открытом океане.

«Кроткий» — не корабль научной экспедиции. «Кроткий» — корабль, совершающий служебное плавание. Но дело-то в том, что идет он под командой прославленного исследователя. Может ли Врангель допустить, чтобы и

в служебном плавании ничего не было добыто для науки?

Пусть его строго регламентирует инструкция начальства. Пусть не велено ему тратить время на географические изыскания. Все это так. Но кто может воспретить капитану вести регулярные метеорологические наблюдения? Кто может помешать ему записывать не только температуру воздуха, но и температуру воды, и не только направление ветров, но и направление и скорость течений? Разумеется, никто. Врангеля не смущает, что научные наблюдения до сей поры не производились в служебном плавании*.

Спускается вечер. Луна расстилает на волнах серебристую дорожку. Вечер в океане, в каюте, за маленьким столом с чернильницей, стопкой гусиных перьев, песочницей и серой кошкой, вперившей желтые глаза в бегущее по бумаге перо. В расстегнутом сюртуке, то задумчиво откидываясь, то наклоняясь, Врангель заполняет очередной лист путевого журнала.

До конца двадцать пятого года трёхмачтовый парусник резал волны Атлантики. В новогоднюю ночь на его мачтах заблестали огни Святого Эльма. Огоньки эти (они появляются на мачтах кораблей при большой насыщенности воздуха электричеством) сулили грозу. Однако гроза не разразилась. Атлантика хотела мирно проводить транспорт. Но моряки знали, что благодушие океана сменится ревущими штормами у мыса Горн.

Так оно и случилось.

Январь прошел в бурях. Тут-то и выказала себя команда «Кроткого»: его матросы, лейтенанты и мичманы. И Врангель, умалчивая о собственном мореходном искусстве, с откровенным удовольствием занес в журнал: «Несмотря на темноту ночей, жестокие порывы ветра, всегдашнюю мокроту и малое число людей, мы ни малейших повреждений не потерпели, что единственно предусмотрению гг. вахтенных офицеров и усердию команды приписать должно».

Наконец, за кормой трехмачтового парусника остались штормы Огненной Земли, ее отрубистые мрачные мысы, стремительный ветер и полет альбатросов...

* Наблюдения Ф. П. Врангеля во время кругосветного плавания на «Кротком» впоследствии были опубликованы.

Держась в нескольких десятках миль от берега Южной Америки, парусник поднимался к северу.

Ясным утром 19 февраля вахтенный офицер лейтенант Матюшкин разбудил капитана.

— Фердинанд Петрович,— сказал Матюшкин улыбаясь,— бери-ка трубку и — на палубу!

Врангель вышел из каюты. «Кроткий» подходил к обширной бухте. На рейде было множество судов с убранными парусами, а на берегу — голые холмы, редут с пушками, дома. Ни одна колокольня, ни один шпиц, столь украшающие панорамы приморских городов, не рисовались на ровной синеве безоблачного утреннего неба. То был Вальпараисо — главный порт Чили.

Врангель опустил трубу, и они обменялись с Матюшкиным понимающим взглядом: ну что ж, в сравнении с Бразилией здесь, кажется, не рай, но после восьмидесяти дней и ночей в океане не так-то плохо и в Вальпараисо.

«Кроткий» встал на рейде. Спустили шестивесельный ял, и капитан с несколькими матросами отправился на берег.

Город окатил моряков шумом.

По улицам, мощенным булыжником, отчаянно скрипели двуколки, запряженные сильными быками. Мужчины, нахлобучив широкополые шляпы и зажав в зубах сигарки, торопились куда-то и лишь мельком взглядывали на чужеземных моряков. Черноокие женщины с шерстяными платками на плечах несли корзины с провизией. Детишки в синих курточках и остроконечных вязаных колпачках бежали в школу. В лавках с европейскими товарами энергично жестикулировали покупатели-чилийцы, англичане-приказчики возражали им со своей обычной флегмой, за которой, однако, крылась расчетливость опытных торговцев.

Лишь несколько часов провел Врангель на берегу. Он столкнулся с купцами о поставке продовольствия на «Кроткий» и поспешил на корабль. На лицах его провожатых отобразилось разочарование: «Как? Уже?» Да и впрямь не было охоты возвращаться, когда из пульперий, как назывались здешние харчевни, слышался гитарный перебор, звон бокалов с пуншем, женский смех. Капитан понимал своих матросов. Он и сам бы не прочь посидеть в «Юнион Отеле», распить бутылочку доброго

старого вина и послушать мелодии Вебера или Россини в фортепианном исполнении какой-нибудь пригожей смуглянки с задумчивыми и томными, как тропическая ночь, глазами.

Но служба есть служба. Нужно торопиться: на Камчатке, в Петропавловске ждут грузы, покоящиеся в трюмах «Кроткого». А на корабле надо еще исправить некоторые повреждения, проконопатить разошедшуюся верхнюю палубу.

Случилось так, что дни стоянки «Кроткого» у берегов Южной Америки совпали со знаменательным событием. Врангель узнал о нем от английских капитанов, пришедших в Вальпараисо с юга, и, по обычаю морских странников, обменявшихся визитами с русским коллегой.

Они рассказали русскому мореходу, что чилийские и перуанские повстанцы захватили порт Кальяо — последний опорный пункт испанских колонизаторов на континенте Южной Америки. То было знаменательное событие, в сущности завершавшее долголетнюю, кровавую борьбу народов испанской Америки за свободу и независимость.

Врангель сознавал, что испанцы-колонизаторы, веками изнуравшие и грабившие индейцев, креолов, негров-рабов, давно заслужили возмездие. Однако он не испытывал никакой симпатии к республикам, возникшим на месте бывших вице-королевств и генерал-капитанств, и был чужд освободительной борьбе народов, свергших испанское иго.

В то же время он был достаточно проницателен, чтобы за несколько дней пребывания у подножия Анд не заметить новых, более ловких и предприимчивых, претендентов на господство в Южной Америке. О, эти, конечно, не думали навязывать чилийцам или перуанцам надменных вице-королей в расшитых золотом мундирах. Эти действовали исподтишка.

«Денежная казна республики,— пишет капитан «Кроткого» в путевом журнале,— весьма истощена, и правительство, нуждающееся в скорейшем пополнении оной, прибегло к разорительным для народа средствам: вновь открытые богатейшие серебряные рудники отданы на откуп торговым обществам англичан и северных американцев».

Быстро, слишком быстро промелькнула неделя. Не одному Врангелю, но всем офицерам и матросам, включая юного барабанщика Варфоломея Преснина, хотелось бы продлить пребывание на чилийской земле, посидеть в мазанках жителей Вальпараисо, побродить по сухим, каменистым окрестностям, погостить у обитателей разбросанных там и сям гасьенд — усадеб.

Но капитан торопится.

Долгий, многомесячный путь еще предстоит паруснику, зависящему от капризов ветра, от штормовой ярости, от властной силы течений.

Приветные огни заблестали перед «Кротким» 11 июня 1826 года при входе в Авачинскую губу. Сперва их было два, потом показался и третий — на сигнальном холме Петропавловска. Девять с половиной месяцев минуло с того дня, как «Кроткий» оставил Кронштадт.

Разгрузка трюмов, покраска корпуса, завоз овощей, купленных у местных огородников, рубка дров — хозяйственные заботы, неизбежные после длительных переходов — отняли более двух месяцев. Выполнив основную задачу (доставку грузов на Камчатку), моряки пересекли Тихий океан с запада на северо-восток, направляясь к русским поселениям на берегу Северной Америки.

Посетив остров Ситху, где помещалось главное правление русско-американских владений, Врангель узнал, что в военном корабле (правительство часто отряжало военные суда для охраны владений) надобности нет, и объявил своим спутникам о возвращении.

И хотя три океана отделяют парусник от Кронштадта, но в сердца путешественников уже закрадывается трепетное чувство ожидания. Они знают, что пройдет не менее года, прежде чем из сизой дымки проступят кронштадтские форты и рейды, но все же чувство ожидания уже поселяется в глубине души.

Идет «Кроткий», и мир продолжает разворачивать перед моряками свои красоты: солнечные Гавайские острова, пожары закатов, торжественное мерцание звездного неба и неслышный ход облаков, словно повторяющих своими очертаниями континенты и острова Земного шара.

«Женится — переменится», — говорит пословица. Наш моряк опроверг ее. Впрочем, расскажем все по порядку...

Третьего мая 1829 года в восьмом часу вечера у ворот ревельской конторы дилижансов остановился экипаж. Взмокшие чухонские лошаденки, вконец заморенные трудной дорогой, устало поникли головами. Кондуктор, долговязый малый с рожком на перевязи, соскочил с высоких козел, где он восседал рядом с возницей, и отворил дверцы дилижанса.

Из дилижанса вышел морской офицер и подал руку своей спутнице. Служители, выбежавшие из конторы, подхватили багаж, а приезжие прошли в помещение.

Расположившись в разных комнатах, они занялись каждый своим делом: моряк спросил горячей воды и достал из саквояжа бритвенные принадлежности, а дама принялась восстанавливать прическу, несколько нарушенную за время переезда из Санкт-Петербурга в Ревель.

Моряк, несомненно, не принадлежал к числу столичных денди, ибо он весьма рассеянно поглядывал в зеркало и довольно скоро избавил свои щеки и подбородок от жесткой рыжей щетины.

Побрившись, он вышел в зал и подошел к окну. В ту же минуту послышались его громкие возгласы, выражавшие неподдельное изумление и восхищение:

— Сестрица! Сестрица! Иди скорее сюда! Посмотри на это ангельское личико! Какая грация! Какая походка! Ай да Ревель!

Приезжая дама, усмехаясь так, как усмехаются старшие и замужние кузины, снисходя к восторгам молодых и неженатых кузенов, вошла в зал и тоже посмотрела в окно.

— Ах, боже мой, — нараспев и в нос сказала она, — да это же Тони и сестра ее Элизабет...

Кузина поспешно вышла из конторы. Минуту спустя капитан первого ранга Фердинанд Петрович Врангель, кругосветный мореплаватель и полярник, зардевшийся, словно гардемарин, был представлен дочерям барона Россильон.

Оказалось, что со старшей, Тони, он был знаком прежде. Но вот младшая... Фердинанд Петрович созерцал ее с откровенным восхищением. Словом, то была любовь с первого взгляда, каковую наш моряк доньше считал выдумкой романистов.

Он страдал «очень долго»: целую неделю. Потом решил, что час пробил, надо идти к старику Россильону и покорнейше просить руки его дочери. Врангель сделал предложение. Оно было принято. Вскоре сыграли свадьбу, и молодые уехали.

Кондуктор опять трубил в рожок с высоких козел дилижанса. Чухонские лошади тащили тяжелый экипаж, покачивающийся на ухабах и увязающий в песок чуть не по самые ступицы.

Переезд из Ревеля в Петербург был лишь началом огромного пути, который предстоял молодоженам. «Женится — переменится», — говорит пословица. Но Врангель не переменился. Он был все тот же: «туда, туда, в даль...»

Ему предлагали высокие должности. Предлагали остаться командиром 7-го флотского экипажа в Кронштадте, командовать линейным кораблем или 44-пушечным фрегатом. Он отнекивался. Финский залив, столица, приморские города, то есть все, к чему стремились многие офицеры, заброшенные на север или на юг, он отвергал. Заокеанские края, мир индейцев и промышленников, лесов и скал, островов и заливов на северо-западном берегу Северной Америки — к ним он стремился, этот неугомонный скиталец.

Зимой он подал прошение отпустить его на пятилетие в Русскую Америку. После долгих переговоров Адмиралтейство согласилось. Директора Российско-Американской торговой компании тотчас назначили Врангеля правителем своих владений за океаном.

Главная контора компании была в столице, на набережной Мойки, в доме у Синего моста. Компания состояла «под высочайшим покровительством» государя и пользовалась большими привилегиями. А за тысячи верст от Петербурга на нетронутых землях, на лесистых островах, в крепостицах и редутах мытарилась мужики — «промышленные люди». Они ходили в море, ловили рыбу, били ценного зверя. Горбом и потом добывали они акционерам компании солидные барыши. И русские

промышленники, и алеуты-охотники, и креолы, потомки туземцев и русских, пухли с голодухи, маялись цингой, погибали в океанских бурях. А в доме у Синего моста шелкали костяшки счетов и росли колонки цифр в гроссбухах.

Много потрудились для компании и моряки. Они положили на точные карты берега и острова, описали заливы, промерили глубины. Они водили компанейские брига, доставляли в Россию меха, а из России необходимые для колоний припасы, совершая по пути немало-важные географические открытия, коротко говоря, были слугами двух господ — Торговли и Науки.

Больше того: уже не первый год правителями компанейских владений назначались флотские офицеры. Худо ли, хорошо ли, но они старались ограничить безудержное воровство местных чиновников, старались пособить промышленникам, обеспечить харчами на зимнюю пору, оградить от бесчинств, словом, хоть чем-нибудь да помочь. Было бы, пожалуй, чересчур наивно приписывать эту заботливость одной только сердобольности. Правители отвечали перед директорами компании за состояние всех поселений, а уж кто-кто, но они, морские офицеры, водившие корабли в дальние плаванья, отлично знали, что команда любого судна оплачивает сторицей за малейшую заботливость командира, часто даже за простое и сердечное слово...

Утомленные дальней сибирской дорогой, беспокойным плаванием из Охотска к Северной Америке, Врангель с женой обрадовались дикой Ситхе и мрачному Ново-Архангельску.

Предшественник Врангеля по управлению колониями, капитан Петр Егорович Чистяков, давно уже освободил для них двухэтажный дом, а сам, дожидаясь сменщика, жил на квартире одного из чиновников.

Врангель принялся усердно вникать в обстоятельства новой службы. Чистяков приходил к нему ежедневно и знакомил с бумагами, с сослуживцами. Фердинанд Петрович призывал к себе гарнизонных офицеров, смотрителя верфи, заведующих «магазейнами» (складами), медиков, пользующих местное население, конторщиков.

Через неделю после приезда Врангелей началась зима. Снег покрыл кровли бревенчатых хижин, дворы, леса, окрестные островки; дул промозглый ветер с океа-

на; в домах и вигвамах индейцев сделалось сумеречно, тоскливо...

В двухэтажном доме на горе, в доме правителя колоний капитана первого ранга поднимались затемно. Врангель с Елизаветой Васильевной завтракали при огне. Позавтракав, Фердинанд Петрович шел в кабинет.

Просмотрев бумаги, он отправлялся на верфь, где было заложено несколько гребных судов и чинились парусники. Врангель осматривал работы, толковал с мастерами, затем шел в «магазинны».

Заведующие складами, приказчики, вся эта понаторевшая в жульничестве братия, невзлюбили капитана. Утешались они лишь тем, что «новая метла чисто метет», а через месяц-другой, мол, все будет по-прежнему.

Однако рыжий капитан оказался человеком упорным. Братия заворчала. Некий Рихтер, студент, изгнанный из университета за буйное пьянство и нашедший успокоение в Ново-Архангельске, где он пристроился заведующим... ромовым складом, попробовал перечить капитану первого ранга. Врангель, не тратя попусту слов, посадил малого под арест.

Но арест — арестом, а Фердинанд Петрович отчетливо понимал затруднительность своего положения. «Приказчики магазиннов,— сетовал он в одном из писем к Литке,— долговременным упражнением обрели бесстыдство и искусство в обманах, которые остановить тем труднее, что контролирующие лица должны быть те же плуты».

Миновала зима. Открылась навигация и началась страда труженников моря. Над океаном неслись гонимые ветрами рваные облака, и они еще резче оттеняли холодную свежую синь неба. Океан, как верный копировщик, вторил краскам неба: то был он холодно синь, то матово сер, то пробегали по нему тени. Ветер выгибал паруса, обдавал солеными брызгами, трепал и путал бороды промышленников. Мужики шурились: «Что-то сулит нынешнее лето?»

Летом Врангель покидал Ситху. Он посещал промыслы и разбросанные от Калифорнии до Аляски компанейские поселения; опрашивал служителей, выслушивал жалобы промышленников, разрешал споры агентов компании. «Хозяйственная часть,— думал Врангель,— самая запущенная в колониальном управлении. Надо ее

наладить, выправить». И ему казалось, что стоит прогнать нескольких жуликов, подобных «ромовому» Рихтеру, и дело пойдет широко, а промышленный люд заживет припеваючи. Ему и невдомек было, что он повторял бесполезные подвиги Сперанского. Тот, будучи генерал-губернатором Сибири (как раз во время полярного путешествия Врангеля), тоже надеялся изгнанием воров-чиновников облегчить положение сибирских жителей. Добрые намерения! Но одних хапуг, похожих на гоголевского стряпчего Золотуху, сменяли другие, зачастую похлеще предыдущих.

Врангель об этом не думал. Он хотел действовать на пользу компании и знал, что она зависит от благополучия русских промышленников и охотников-алеутов.

Впрочем, капитан первого ранга размышлял не только о хозяйственных и административных делах. В летних объездах русско-американских владений видел он превосходную возможность обогатить науку описаниями быта, нравов, обрядов алеутов и индейских племен, обитавших на берегах Северной Америки.

Определяясь на службу в Российско-Американскую компанию, Фердинанд Петрович задумал написать этнографическую работу о жителях северо-западных берегов Северной Америки. Теперь он выполнял свой замысел... *

Так и потянулись годы: летом на кораблях, среди промышленников, у дымных костров, в крепостицах и редутах, в теплой Калифорнии, на суровой Аляске; зимой на Ситхе — в обжитом бревенчатом доме.

* *
*

Красивая рессорная бричка, запряженная парой вороных лошадей, гулко прокатилась по деревянному мосту. Сухонький старичок в морском сюртуке, вздрогнув, очнулся от своих дум, перемежавшихся с дремотой, подобно тому как тень листвы на эстонской дороге перемежалась с солнечными пятнами.

— Михель,— окликнул старик кучера, приглаживая седенькие, растрепанные ветром височки.

Кучер-эстонец в круглой шляпе и толстой коричневой куртке обернулся.

— А скажи-ка, Михель, скоро приедем? — улыбаясь спросил старик. Он отлично знал, сколько верст осталось до городка Дерпта, и спросил только потому, что захотелось спросить о чем-нибудь своего старого слугу.

Михель, который в свою очередь знал, что адмиралу Фердинанду Петровичу вовсе не нужны его, Михеля, ответы, пошевелил плоским подбородком, обронил, прикрывая глаза:

— Скоро... барин...— И задергал вожжами.

Давно уж знали друг друга эти два человека: больше

* Труд этот был напечатан в 1839 г. в журнале «Сын Отечества». В редакционном примечании к нему было сказано: «Обязанностью почитаем благодарить за сообщение сей статьи, содержащей в себе драгоценные, на месте собранные сведения, знаменитого мореплавателя Ф. П. Врангеля».

сорока лет, с той поры как отправились на край света, в Русскую Америку. Ну и завез Фердинанд Петрович эстонского крестьянина Михеля, завез в такие края, каких, верно, ни один земляк его не видывал. Недаром барин часто говорит: «Ты, Михель, пожалуй, первый эстляндский мужик, обогнувший Земной шар». Когда он так говорит, Михель усмехается. Шар! Экий чудак его барин, не смотри, что ученый, грамоты разные имеет — и английские, и французские, и русские. Шар! Просто проехал Михель всю Россию, потом океан переплыл и жил с Фердинандом Петровичем на большом острове. Жил там пять лет. А потом опять морем плыли, опять верхами ехали по чудной земле и снова пересекли океан. А там — глядь — плыли уж мимо Ревеля. Вот тебе и шар.

Между тем Михель Якобсон, может, и впрямь был первым эстонским крестьянином, совершившим кругосветное путешествие.

Случилось так оттого, что Врангель вернулся домой из Северной Америки не прежним путем (через Сибирь и далее), а совсем иным.

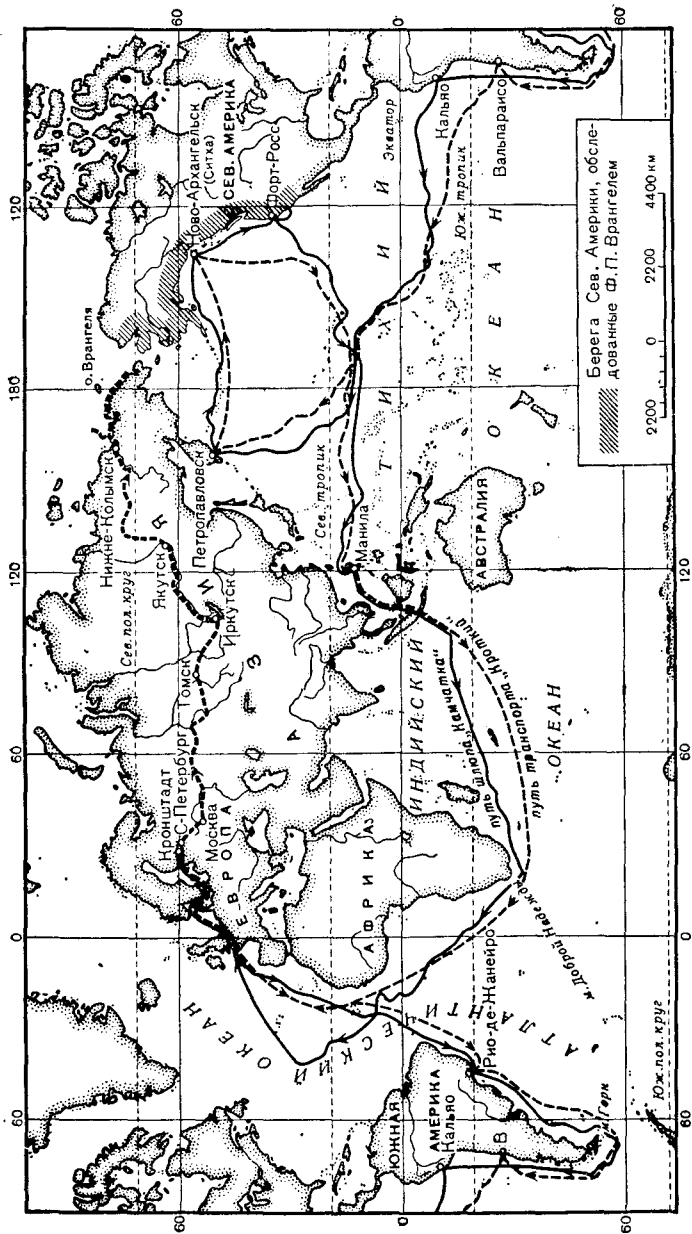
Из Ново-Архангельска корабль доставил Врангеля с семьей и слугами в мексиканский порт Сан-Блас, откуда начался длительный и тяжелый переезд через Мексику к берегам Атлантики. Дорога пролегла в степи, опаленной солнцем, и в пустыне, где ветер вздымал песок, закрывавший небо, и по горным кручам.

Добравшись до Мексиканского залива, Врангель и его спутники «вступили под сень парусов». Корабль доставил их в Нью-Йорк. Оттуда вскоре Врангель отплыл в Европу.

Вернулся он в Россию в июне 1836 года. Так завершилось третье кругосветное путешествие Фердинанда Петровича.

Походами по северо-западному побережью Северной Америки и мексиканским странствием закончилась многотрудная деятельность Врангеля-путешественника, та деятельность, что долгие годы протекала под открытым небом, в корабельной каюте, в дорожной кибитке, в юртах кочевников, в кожаной палатке.

Сорокалетним контр-адмиралом начал он министерскую карьеру. И достиг наивысшей ступени в военно-морской иерархии: стал министром. Однако, покинув морские и сухопутные дороги, он не покинул Географию...

Кругосветные плавание Ф. П. Врангеля

Как это иногда бывает, старик, ехавший в бричке, вдруг увидел себя со стороны, но не таким, каким он был теперь, седеньким, сгорбленным, а увидел адмирала Врангеля, которому еще не стукнуло и пятидесяти. «Экие дела делает время,— подумал он,— ведь тогда, в пятьдесят, полагал: ой, как много, ой-ой, сколь прожито. А ныне встретишь пятидесятилетнего и завидуешь — молодой человек, право, молодой. А уж которому и полусотни нет, так его за вьюношу считаешь...»

После Русской Америки в петербургскую пору жизни было у него немало огорчений: и в правлении Российско-Американской компании, и в морском министерстве, и в Государственном совете — с чиновниками, обросшими бюрократизмом, как монахи жиром, со всяческими обломовыми, покойно сидящими на весьма высоких постах Российской империи.

Но было и немало светлого. Да вот хоть вечера в дружеском кругу. Бывало, собирались у статского советника Владимира Ивановича Даля, в доме его, что у Александринского театра. Хозяин — умница, литератор и этнограф, большой приятель покойного Пушкина. В комнатах пахло книгами. Приходили туда и Литке, и Анжу, и профессор Арсеньев Константин Иванович, заглядывали и «патриархи» — Иван Федорович Крузенштерн, Петр Иванович Рикорд — сподвижник Василия Михайловича Головнина. Всем хорошо было в далевской квартире. Вот там, в доме у Александринского театра, и говорили часто об ученом обществе географов. Там весной сорок пятого... Да, именно там и состоялось собрание членов — учредителей Русского географического общества, и Федор Петрович Литке огласил проект Общества.

А потом, когда «младенец» родился, какая бойкая и увлекательная жизнь закипела в доме Общества на Мойке, у Певческого моста. А в первое годовое собрание — сумеречный день был, снежный, в конце ноября — он, адмирал Врангель, читал свой доклад «О средствах достижения полюса»*. Краткий доклад. У них, в Обще-

* Этот замечательный доклад был плодом долголетних размышлений Врангеля над опытами своей экспедиции по Ледовитому океану. Врангель предлагал достичь полюс с северного берега Гренландии на 10 нартах с собаками. Впоследствии Роберт Пири поступил именно так.

стве, отменное правило установили: более часа речь не держать! Для всех равно; а стало быть, и для него, Врангеля, руководителя отделения общей географии*.

Да-с, были в Петербурге хорошие времена. А все же лучшие годы — он это и тогда знал — лучшие годы были позади, канули в прошлое. Почему-то природа устраивает все с такой коварной жестокостью: оставляет желания, но отбирает силы...

Шестидесяти восьмью лет он навсегда уехал из Петербурга.

Неприметно покатались годы в эстонском имении Руиль, что в двадцати пяти верстах от города Раквере.

И вдруг им овладело неудержимое стремление, ведомое многим старцам: ему нужно, ему непременно нужно еще раз взглянуть на места, где прошли детство и отрочество, где впервые прозвучала придуманная рыжим мальчуганом песня с припевом «Туда, туда, в даль, с луком и стрелою...»

Надо спешить. Ему уже, слава богу, семьдесят четвертый. Он едва дождался вешних дней. И вот — бричка, пара вороных, Михель Яacobсон на козлах.

— Михель, скоро приедем?

— Скоро... барин...

Эге, вон уже виден Дерпт, руины на холме, островерхие крыши и ратуша на площади, где всегда так громко кричат галки.

У брата в Дерпте Фердинанд Петрович прожил недолго и совсем уж собрался ехать в Псков, когда пришла смерть.

Он поспел побывать везде: и в торосах Ледовитого океана, и в зарослях Филиппин, и у скал североамериканского берега, и под небом Мексики...

И не поспел только в страну своего детства.

* Общей географией называлась в то время география зарубежных стран.

Давыдов Юрий Владимирович

ФЕРДИНАНД ВРАНГЕЛЬ

Редактор *Малкес Б. Н.*

Художественный редактор *Радкевич Е. А.*

Технический редактор *Виленская Э. Н.*

Редактор карт *Голицын А. В.*

Корректор *Логонова З. А.*

Т-12568. Сдано в производство 24/V—58 г.
Подписано в печать 17/XII—58 г. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Физических листов 1,5. Печатных листов 2,87.
Издательских листов 2,82. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 3690. Цена 85 коп.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.